

**Богатыриада, или Трое против
нечисти**

Анна Ив

Анна Ив

Богатыриада, или Трое против нечисти

<https://litres.ru/74169622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рог Изобилия украден. Мир на грани голода. Кто спасёт Мелкоземелье?

Трое «богатырей»: аферист, который продал князю мазь от лысины; силач, который вышивает крестиком и лечит всех мятой; и переодетая девица с мечом, который ей великоват.

В их арсенале: складной стул, ковёр-самолёт без тормозов и навигационный клубок с характером.

А против них: Кощей-бюрократ, армия котов с подкастом, циклоп с дубиной, спартанцы, свалившиеся из сюжетной дыры, и один обидчивый юморист с убийственными шутками.

«Богатыриада» — это как «Три богатыря», если бы их сценарий написал Дуглас Адамс, а музыку — группа «Ленинград». Абсурд, смех и ни одной серьёзной минуты!

Смешная, добрая и безумная пародия на всё сказочное, что вы знали. Здесь даже злодеи заполняют отчёты, а любовь побеждает с помощью мятного чая.

Содержание

Глава первая. Ярмарка тщеславия, или Как Фома продал князю средство от лысины	5
Глава вторая. Приёмная Ильи Муромца, или Как три богатыря не смогли найти одну бумажку	23
Глава третья. Ошибка в трёх экземплярах, или Как боярин Жихарь сам себя перехитрил	38
Глава четвёртая. Брифинг у Алёши Поповича, или Как правильно улыбаться, когда тебя съест	57
хотят	
Глава пятая. Царевна Забава и её секретный подвал, или Как из сокола получился почтальон	76
Глава шестая. Первый подвиг: Соловей-Разбойник и его связки, или Как тенор без лицензии чуть не сорвал экспедицию	91
Глава седьмая. Таможня Лешего: экологическая зона, или Как рецепт пирога оказался важнее посольской грамоты	108
Глава восьмая. Ночной привал и поэтическая дуэль, или Как Лихо Одноглазое чуть не рассмешило всех до смерти	120
Глава девятая. Ковен Ягинь: франшиза «Избушка-Кроссовер», или Как навигационный клубок чуть не увёл не в ту сказку	136

Богатыриада, или Трое против нечисти

Глава первая. Ярмарка тщеславия, или Как Фома продал князю средство от лысины

Ярмарка в Мелкоземелье шумела так, что даже сороки на окрестных дубах охрипли и перестали сплетничать. Торговые ряды тянулись от самых Золотых ворот до того места, где обычно стояла лужа, именуемая в народе Княжьим озером, хотя князь к ней никакого отношения не имел и даже обижался, когда ему про неё напоминали. Лужа славилась тем, что в ней трижды тонул один и тот же боярин, но это уже совсем другая история. Сейчас важно другое -над рядами стоял такой гомон, что даже глуховатый дед Пихто, приехавший на ярмарку продавать сушёные грибы, внезапно начал слышать и очень этому огорчился, потому что оказалось, что все вокруг спорят о ценах, а это слышать ещё хуже, чем не слышать ничего.

Князь Владимир, которого за глаза называли Красным Солнышком, хотя сам он предпочитал, чтобы называли «просто Владимир», шёл по ярмарке, надвинув на лоб шапку

так низко, что она почти закрывала ему брови. Шапка была не княжеская - меховая, с малиновым верхом, - а самая обыкновенная, купеческая, купленная по случаю у одного заезжего новгородца, который клялся, что она приносит удачу в торговых делах. Владимир не очень-то верил в удачу, но залысины, проступившие у него надо лбом в последний месяц, верили в себя так крепко и так очевидно, что без шапки на людях он чувствовал себя неловко. Даже борода, густая и холёная, не спасала положения, потому что борода росла ниже, а залысины располагались выше, и между ними не было решительно никакой связи.

Рядом с князем семенил его верный стремянный Гаврила, молодой парень и был он именно таким человеком, который постоянно забывает, что ему поручили, но очень боится в этом признаться. Гаврила нёс под мышкой берестяной короб, куда предполагалось складывать покупки, и поминутно оглядывался, не идёт ли кто из знакомых бояр, потому что князь строго-настрою запретил называть его сегодня «князем» и велел обращаться «купец Святослав», от чего Гаврила путался и краснел, как девица.

-Смотри, Гаврила, -сказал Владимир, останавливаясь у лотка с гребешками и костяными заколками, но даже не глядя на них, а косясь в полированное блюдо, которое висело у продавца для привлечения покупательниц, -видишь?

-Чего, кня... купец Святослав? -поправился Гаврила и чуть не выронил короб.

-Лоб мой видишь? -мрачно спросил Владимир, чуть приподнимая край шапки.

Гаврила честно уставился на княжеский лоб, но, будучи человеком деликатным и к тому же слегка близоруким, ничего особенного не разглядел. Лоб как лоб, только блестит немного, будто его маслом натёрли.

-Блестит, -сказал он осторожно.

-Вот именно, блестит! -прошипел Владимир, вновь надвигая шапку. -А блестеть лоб у князя не должен. Должен быть густой, как лес, волос. А у меня... у меня скоро дети малые будут на этом лбу в солнечный день зайчиков пускать. И что делать прикажешь?

Гаврила хотел было сказать, что зайчиков пускать -занятие весёлое и даже в чём-то государственное, потому что радует народ, но, взглянув на мрачное лицо князя, решил промолчать и только пожал плечами.

Владимир вздохнул и двинулся дальше, раздвигая толпу плечом. Он уже перепробовал много средств: и отвар лопуха, которым поили его три недели, пока не выяснилось, что лопух был прошлогодний и годен только на корм козе, и

настой крапивы, от которого кожа на голове стала зелёной, и даже заморскую мазь, привезённую греческими купцами, но от неё волосы не выросли, а зато выросла какая-то подозрительная родинка, которую потом пришлось сводить бабке-шептунье. В общем, лысина неумолимо наступала, а вместе с ней наступало и отчаяние.

И вот, когда князь уже подумывал, не бросить ли всё и не уйти в монахи, где всё равно все лысые и никто не спрашивает, отчего, -прямо перед ним, как из-под земли, вырос лоток, обтянутый пёстрым платком. За лотком стоял человек, при виде которого Гаврила сразу разинул рот, а Владимир чуть не снял шапку от удивления, но вовремя опомнился.

Человек был одет в кафтан такого невероятного малинового цвета, что даже шапка князя показалась бы рядом с ним серой мышью. Кафтан был расшит серебряными петухами, которые, судя по выражению их вышитых морд, только что выиграли бой с соседскими курами и теперь страшно этим гордились. На голове у человека красовалась шапка с бубенчиками, которые мелодично позвякивали при каждом движении, а на ногах красовались сапоги с такими длинными и острыми носами, что ими можно было при случае проткнуть кабачок насквозь. Сам же человек имел лицо настолько располагающее и улыбчивое, что даже самый подозрительный покупатель, посмотрев на него, решал, что быть обманутым таким приятным господином -одно удовольствие.

Это был Фома Забубенный, известный в определённых

кругах как «Фома -золотой язык» и «Фома -купи слона». Второе прозвище он получил после того, как однажды продал одному заезжему купцу живого слона, которого до этого сам ни разу не видел, а купец потом полгода искал этого слона, но нашёл только долговую расписку и рецепт солёных огурцов.

-Подходи, народ честной! -закричал Фома, потрясая глиняным горшочком, запечатанным воском. -Кому мазь чудодейственную, проверенную, одобренную самим Змеем Горынычем! Мазь от всех болезней головы, от лысины, от перхоти, от дурных мыслей и от соседской коровы, которая мычит по ночам!

Князь Владимир, услышав про лысину, замер на месте, как охотничий пёс, почуявший дичь. Гаврила тоже замер, но скорее от восхищения -ему очень понравились сапоги Фомы, и он прикидывал, сможет ли когда-нибудь позволить себе такие же, если князь повысит жалованье.

-Что за мазь? -спросил Владимир, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно, но вышло плохо, потому что равнодушным голосом спрашивают разве что про погоду, а тут речь шла о волосах.

Фома мгновенно оценил покупателя. Шапка надвинута, взгляд нервный, борода холёная, но сам держится важно, сразу видно, человек непростой, при деньгах и при печали. А печаль, судя по тому, как он теребит край шапки, сидит у него именно на макушке.

-О, почтеннейший! -Фома округлил глаза и понизил голос до заговорщицкого шёпота, хотя вокруг всё равно орали торговки пирогами. -Это не просто мазь, это сокровище, добытое с риском для жизни! Потовые железы самого Змея Горыныча, средней головы, которая, как известно, отвечает за рост всего живого!

-Средняя голова отвечает за пищеварение, -машинально заметил Гаврила, который когда-то слушал лекции заезжего византийского лекаря. -Левая -за дыхание, правая...

-Молодой человек, -перебил его Фома, даже не сбившись с тона, -вы, я вижу, образованный, но образование образованием, а жизнь жизнью. У этого конкретного Змея, с которым я лично знаком, средняя голова отвечает именно за волосы. Я сам видел: как захочет он, чтобы трава выросла, дыхнёт средней головой, и пожалуйста. А уж если на человека...

-И что, помогает? -Владимир придвинулся ближе.

Фома выдержал паузу, во время которой бубенчики на его шапке совершили задумчивое «дзинь-дзинь», и сказал:

-Помогает? Да я вам так скажу: один мой знакомый, назовём его... скажем, купец Добромысл, был лыс, как колено. Через неделю после применения этой мази у него выросла такая шевелюра, что он теперь заплетает её в косу и ходит по улицам, пугая соседей. Соседи думают, что это медведь, а это всего лишь купец Добромысл. Вот как помогает.

Владимир сглотнул. Гаврила, который всё ещё думал про сапоги, на всякий случай кивнул, хотя не слушал.

-И сколько же стоит это... сокровище? -спросил князь, уже доставая кошель.

Фома сделал вид, что задумался, хотя цену он придумал ещё вчера вечером, когда сидел в корчме и размышлял, сколько можно взять с доверчивого человека, чтобы и самому не обидно, и человеку не слишком разорительно.

-Для вас, -сказал он, оглядывая Владимира с ног до головы, -только для вас, поскольку я вижу, что вы человек до-

стойный и печаль ваша искренняя... три золотых.

Гаврила поперхнулся воздухом. Три золотых -это цена хорошего коня. Владимир нахмурился, но, снова вспомнив про свою лысину, вздохнул и отсчитал монеты.

Фома, ловко спрятав деньги в рукав, торжественно вручил князю горшочек.

-Мажьте на ночь, -наставлял он. -Только обязательно на ночь, потому что днём мазь впитывает солнечный свет и может передумать. И ещё: во время втирания ни в коем случае не думайте о плечи. Думайте о чём-нибудь приятном, о репе, например, или о том, как хорошо быть богатым. Тогда эффект удвоится.

Владимир бережно спрятал горшочек за пазуху и уже собирался уходить, но тут случилась суматоха.

По ярмарочным рядам вдруг прокатился гул, слышались крики «Дорогу! Дорогу!», и толпа расступилась, давя друг другу ноги. Это бежали двое княжеских глашатаев с медными трубами, а за ними ехал на коне сам боярин Жихарь Облеухов, толстый, краснощёкий, он только что плотно пообедал и теперь искал, кого бы наказать для улучшения пищеварения. Жихарь был послан князем с утра огласить указ о поиске Рога Изобилия, но, как обычно, сперва заехал к себе домой перекусить, потом встретил кума, потом заговорил с кумом о ценах на мёд, в общем, к ярмарке он прибыл только сейчас.

-Слушайте, люд честной! -закричал один глашатай.

-Княжеский указ! -закричал второй, потому что они всегда кричали по очереди, так им было велено.

Фома, увидев боярина, слегка побледнел. Дело в том, что месяц назад он продал Жихарю партию «волшебных подтяжек», которые якобы прибавляли ума, а на деле оказались обычными подтяжками для штанов, и боярин, обнаружив, что умнее не стал, затаил обиду. Сейчас Жихарь скользнул взглядом по толпе, и Фома инстинктивно пригнулся, но было поздно.

-А ну стоять! -заорал Жихарь, тыча пальцем в сторону лотка. -Этот человек мошенник! Хватайте его!

Но по иронии судьбы, которую иначе как насмешкой не назовёшь, в ту же секунду к лотку подскочил один из младших дьяков Богатырской Палаты, маленький суетливый человек с бородавкой на носу, который всё утро искал по ярмарке какого-то заморского посла, ожидавшегося ещё вчера. Посол должен был быть одет пёстро, говорить громко и иметь при себе грамоту с вислой печатью. Фома, в своём малиновом кафтане с петухами и шапке с бубенчиками, подходил под это описание идеально, тем более что он как раз потрясал перед князем каким-то свитком, в который была завернута мазь.

-Господин посол! -закричал дьяк, падая перед Фомой на колени и чуть не задев бородавкой сапог с острым носом. -Наконец-то вы прибыли! Простите, что не встретили, лошадь ваша, наверное, устала, но сейчас всё уладим!

Фома, который за свою жизнь привык выкручиваться из самых невероятных положений, тут же сообразил, что лучше быть послом, чем арестантом. Он гордо выпрямился, поправил шапку и сказал:

-Да, я прибыл. Лошадь я оставил... там, где оставляют лошадей. Ведите меня, куда положено.

Жихарь, увидев, что «мошенника» принимают за посла, на миг опешил, но, будучи человеком осторожным, решил пока не вмешиваться, вдруг и правда посол, а он его схватит и выйдет международный скандал. Поэтому он просто надулся и велел глашатаям продолжать читать указ, а сам поехал дальше.

Владимир же, который всё это время стоял рядом и сжимал горшочек, решил поскорее убраться восвояси, пока и его не впутали в какую-нибудь историю. Он махнул Гавриле, и они скрылись в толпе.

А теперь, пока князь едет во дворец, а Фома шествует в Богатырскую Палату, раздуваясь от важности и прикидывая, что послам, наверное, дают бесплатный обед, -самое время перенестись в одно тихое место, где никакой ярмарки нет, а есть лес, и в этом лесу происходит нечто такое, что на первый взгляд может показаться странным, а на второй -ещё более странным.

Лес этот назывался Мелкоземельским, и был он, прямо скажем, не простой. В нём дубы имели привычку перешёптываться по утрам, а грибы-говорушки действительно раз-

говаривали, причём в основном жаловались на погоду. По лесной тропинке, которая извивалась так, будто её прокладывал пьяный заяц, шёл человек. Если бы кто-то увидел его со стороны, он бы непременно испугался, а потом удивился, потому что такие люди обыкновенно пугают своим видом, а удивляют уже потом, когда начинают говорить.

Человек был огромен. Плечи его напоминали две скамейки, поставленные рядом, грудь пивной бочонок, а руки два бревна, которым почему-то приделали ладони. Звали его Дубыня, и это имя подходило ему как нельзя лучше, потому что с дубом его роднило многое: он был высок, крепок, и мысли его текли так же неторопливо, как сок по весеннему стволу. Но если бы кто-то, соблазнившись его грозной внешностью, решил, что перед ним свирепый воин, он бы глубоко ошибся. В руках Дубыня нёс не меч, не палицу и даже не дубину, а пальцы с натянутой на них тканью, на которой аккуратными крестиками была вышита картина «Спящая царевна и семь гномов». Царевна пока что была готова только наполовину, а гномы и вовсе походили на семь грибов в колпаках, но Дубыня очень старался.

Он шёл и тихонько напевал себе под нос что-то мелодичное, похожее на колыбельную, и временами останавливался, чтобы полюбоваться на свою работу.

-Вот здесь, -бормотал он, склоняясь над пальцами, -синенького бы добавить. У гнома номер три колпак совсем блёклый вышел.

Рядом с тропинкой росла старая берёза, кривая и скрипучая, с большим дуплом, в котором, по слухам, жила белка-истеричка. Дубыня, проходя мимо, остановился и вежливо поклонился берёзе, потому что считал, что деревья тоже имеют душу и к ним нужно обращаться уважительно.

-Доброе утро, красавица, -сказал он густым, как мёд, голосом. -Как спалось? Ветром не трепало? У меня вот с утра нос заложило, видать, пыльца у тебя больно сильная. Не в обиду, конечно, но аллергия, знаешь ли, штука такая.

Берёза в ответ скрипнула, что можно было истолковать и как «да, погода нынче сырая», и как «отстань, дядька, дай поспать». Дубыня истолковал это по-своему и полез в карман за платком.

Платком служил чистый, аккуратно сложенный кусок холстины, на котором тем же крестиком было вышито: «Вытри нос -и будь здоров». Дубыня оглушительно чихнул так, что с соседнего дуба сорвались два жёлудя и чуть не попали в дятла, после чего высморкался и продолжил путь, всё так же бережно неся своё рукоделие.

В кустах, что росли чуть поодаль от тропинки, кто-то шевелился. Если бы Дубыня был более внимателен, он бы заметил, что кусты эти шевелятся как-то уж слишком регулярно. Но Дубыня, как уже было сказано, был погружён в мысли о колпаке гнома номер три и потому ничего не замечал.

В кустах же сидела Василиса. Впрочем, сейчас её следовало называть не Василисой, а Васей -юным оруженосцем без

роду и племени, который ищет себе господина для службы. На самом деле Василиса была девицей семнадцати лет, сбегавшей из родного терема, потому что сидеть и вышивать крестиком ей надоело до зубного скрежета. Ей хотелось рубить мечом, скакать на коне и спасать кого-нибудь, но, поскольку девиц в богатыри брали неохотно (точнее, совсем не брали), она переделалась в мужское платье, обрезала косу и теперь изображала скромного паренька, ищущего воинской славы.

Судьба занесла её в этот лес совершенно случайно: Василиса услышала, что где-то здесь бродит могучий богатырь, и решила во что бы то ни стало к нему набиться в ученики. И вот, увидев Дубыню, она сперва замерла от восторга, потому что такой горы мышц ей ещё видеть не доводилось, а потом... потом она заметила, что гора мышц вышивает крестиком и разговаривает с берёзой.

Василиса, которая в мужском костюме чувствовала себя не очень ловко, а тут ещё и ветка впиалась ей в бок, смотрела на Дубыню и не знала, что ей делать, то ли выйти и представиться, то ли сидеть дальше и ждать, пока он начнёт крушить врагов. Но врагов пока не было, а была берёза, которой Дубыня рассказывал о своих проблемах.

-А дровосеки, -говорил между тем Дубыня, вновь обращаясь к берёзе, -совсем обнаглели. Стучат с утра до вечера, спасу нет. Я ведь чего в город-то иду -управу искать на них. Пусть, думаю, князь разберётся. Князь, говорят, справедли-

вый, хотя и лысоват немножко, но это ничего.

Василиса чуть не прыснула со смеху, но вовремя зажала рот рукой. Она уже поняла, что этот богатырь не совсем обычный, но от этого он казался ей ещё более привлекательным. Мускулы у него были что надо, а то, что он вышивал, так это даже мило.

Дубыня между тем протёр платком лоб и двинулся дальше, а Василиса, стараясь ступать как можно тише, последовала за ним. Она решила пока не обнаруживать себя, а посмотреть, куда он идёт и что из этого выйдет.

А теперь самое время вернуться во дворец, потому что именно там разворачивались события, которым предстояло самым тесным образом связаться и с Фомой, и с Дубыней, и с Василисой.

Князь Владимир, вернувшись в свои палаты, первым делом кликнул слугу, велел принести горячей воды, мягкое полотенце и хорошее освещение. Гаврилу он отослал отдыхать, потому что бедняга от переживаний на ярмарке совсем взмок и к тому же всё ещё переживал из-за сапог Фомы.

Оставшись один, Владимир снял шапку, критически оглядел себя в полированном медном блюде и вздохнул. Залысины при вечернем свете казались ещё больше, чем днём, и блестели они теперь не просто масляно, а как-то торжественно, намекая, что скоро займут всю голову.

-Ну что ж, -сказал Владимир сам себе, открывая горшочек. -Не поможет -тогда уж точно в монахи.

Мазь пахла странно. В ней чувствовался и гусиный жир (это князь определил сразу, потому что в детстве его часто мазали гусиным жиром от простуды), и ещё что-то травянистое, и отдалённо -что-то такое, чем обычно пахнут старые книги. Цвет мази имел зеленоватый, что внушало некоторый оптимизм, потому что зелёный цвет в сознании Владимира прочно ассоциировался с природой и ростом. Он зачерпнул щедрую порцию и принялся втирать её в лоб, старательно думая о репе, как было велено.

Через полчаса лоб начал чесаться. Сперва легонько, потом всё сильнее и сильнее, и наконец зачесался так, что князь не выдержал и позвал слугу.

-Слушай, -сказал он, стараясь не чесаться, но рука сама тянулась ко лбу, -посмотри, что там у меня на голове делается.

Слуга, пожилой мужичок по имени Тит, который служил ещё покойному батюшке Владимира и привык ничему не удивляться, подошёл, поднял свечу и долго всматривался.

-Ну что? -нетерпеливо спросил князь.

-Зеленеет, -сказал Тит и икнул.

-Что значит «зеленеет»?!

-Ну, было белое, стало зелёное. И маленькие такие прыщички пошли. Как будто крапивой обстрекали.

Владимир вскочил и подбежал к блюду. При свете свечи его лоб действительно приобрёл отчётливый зелёный оттенок, а на нём проступали мелкие красные точки. В целом

зрелище напоминало недозревший арбуз, на который кто-то нечаянно сел.

-Мошенник! -взревел Владимир так, что в соседней палате у боярина Жихаря подпрыгнула тарелка с пирогом. -Обманщик! Вор! Да я его...

Он не договорил, потому что лоб зачесался с новой силой, и князь, забыв о своём сани, начал неистово скрести его обеими руками, приговаривая такие слова, которые в летописях обыкновенно не пишут.

-Тит! -крикнул он наконец, немного успокоившись. - Немедленно найди мне этого... этого в малиновом кафтане! Чтоб к утру был здесь! Объяви розыск! Пошли глашатаев! Всё что угодно! Но если я его не получу...

Что именно будет в противном случае, князь не уточнил, но Титу и так всё было ясно. Он поклонился и попятился к двери.

На пороге он, однако, задержался.

-А что за человек-то, княже? -спросил он. -Опиши, чтоб знать, кого ловить.

Владимир на секунду задумался.

-Рожа хитрая, улыбка до ушей, шапка с бубенчиками. Кафтан как пожар. Сапоги -носы на пол-аршина. Зовут... да, зовут, кажется, Фома.

Тит кивнул и исчез за дверью.

А князь Владимир ещё долго сидел перед блюдом, смотрел на свой зелёный лоб и думал о том, что всё-таки есть в

этом мире вещи и похуже лысины.

Так закончился этот длинный, полный событий день - день, которому суждено было стать началом совсем уж невероятной истории. Фома в это время, ничего не подозревая, сидел в отведённых ему «посольских» покоях, уплетал княжескую утку и размышлял, как бы половчее улизнуть, пока не раскрылся обман. Дубыня, добравшись до опушки, устроился на ночлег под той самой берёзой, с которой он подружился, и, перед тем как заснуть, ещё немного повышивал. А Василиса, сидя в кустах неподалёку, глядела на звёзды и гадала, решится ли она завтра подойти к странному богатырю или опять струсит.

И никто из них пока не догадывался, что уже завтра их пути сойдутся самым неожиданным образом и что с этой встречи начнётся такое, о чём будут потом рассказывать на всех ярмарках, перевирая и приукрашивая, как водится, каждую мелочь. Но это уже совсем другая глава.

Глава вторая. Приёмная Ильи Муромца, или Как три богатыря не смогли найти одну бумажку

Если вы никогда не бывали в Богатырской Палате, то вам крупно повезло. Нет, здание было красивое, с резными наличниками, с дубовыми дверями, обитыми медными полосами, и с крыльцом таким высоким, что любой проситель, пока поднимался, успевал трижды пожалеть о том, что пришёл, и дважды, о том, что вообще родился на свет. Но главное находилось не снаружи, а внутри, и называлось это главное -порядок.

Порядок этот был особого, богатырского свойства. Он заключался в том, что любое дело, прежде чем сделаться, должно было пройти через тридцать три инстанции, обзавестись сорока печатями и быть записанным в книгу, которая лежала в шкафу, который стоял в комнате, ключ от которой хранился у человека, который уходил обедать ровно в тот момент, когда ключ был нужен.

Илья Муромец, заслуженный богатырь и глава Палаты, сидел в своём кабинете и смотрел на стол. Стол был завален берестяными грамотами, пергаментными свитками и какими-то глиняными табличками, которые принёс на прошлой неделе один чересчур старательный дьяк, утверждав-

ший, что «глина надёжнее, потому что не горит». Таблички, правда, раскололись ещё по дороге, и теперь на столе лежали просто черепки с обрывками букв, из которых при желании можно было сложить слово «каша» или «беда», в зависимости от настроения.

Илья вздохнул и почесал затылок. Он был человеком старой закалки, предпочитал меч -перу, а коня -письменному столу. Но вот уже тридцать лет, как он возглавлял Палату, и за это время его боевые доспехи покрылись пылью, а меч, знаменитый кладенец, которым он в молодости крушил целые полчища, теперь использовался главным образом для вскрытия сургучных печатей. Правда, печати от этого страдали, а меч тупился, но Илья считал, что это лучше, чем если бы он тупился без дела.

-Гаврила! -крикнул Илья, не оборачиваясь.

Дверь приоткрылась, и в кабинет просунулась голова младшего писаря, юноши с таким отчаянно-веснушчатый лицом, будто ему на нос высыпали целую корзину гречки. Гаврила (это был тот самый Гаврила, который утром ходил с князем по ярмарке, только здесь он подрабатывал во второй половине дня, потому что жалованья стремянного не хватало даже на сапоги) смотрел на начальника с выражением почтительного ужаса.

-Я здесь, Илья Иванович, -сказал он, протискиваясь в дверь боком, потому что в руках у него была целая стопка новых грамот.

-Что это? -спросил Илья, кивая на стопку.

-Это, Илья Иванович, прошения. Вот это, -Гаврила вытащил верхнюю грамоту, -от купца Мокея, просит разрешения на провоз бочек с мёдом через Змееву заставу. Вот это -от гончаров, жалуются, что леший у них всю глину перерыл, ищет клад, а клада нет, а глина перемешана с песком. А вот это, -он запнулся, -это от бабки Агафьи, требует, чтобы ей выдали справку, что она не ведьма.

-А она ведьма? -спросил Илья, не поднимая головы.

-Говорят, что ведьма, -шёпотом ответил Гаврила. -Но она сама говорит, что нет. И требует справку.

-Ну так выдай справку, -сказал Илья. -Если она не ведьма, то какая разница, а если ведьма, то всё равно рано или поздно сознается. У ведьм, я слышал, совесть есть, просто она у них глубоко запрятана.

Гаврила хотел было возразить, что совесть и ведьмы, вещи не очень совместимые, но промолчал и положил стопку на край стола, туда, где уже лежала другая стопка, повыше, которая, в свою очередь, подпирала третью, а третья грозила обрушиться на четвёртую, которая лежала на полу. В общем, в кабинете Ильи Муромца была своя, особая система хранения документов, которую сам Илья называл «тектонической», потому что бумаги постоянно двигались, наползали

друг на друга и время от времени устраивали обвалы.

-Илья Иванович, -сказал Гаврила, переминаясь с ноги на ногу, -там ещё этот... как его... ну, который из-за границы. Посол то есть.

-Какой посол? -насторожился Илья.

-Заморский. В малиновом кафтане. С бубенчиками.

Илья наморщил лоб. Никакого посла он не ждал, а если и ждал, то забыл, потому что бумажка, в которой говорилось про посла, скорее всего, лежала где-то под тектоническим слоем номер четыре, и достать её можно было только при помощи лопаты и специального заклинания, которого Илья не знал.

-Пусть пока посидит в приёмной, -решил он наконец. - Если он настоящий посол, он подождёт, а если ненастоящий, то ему всё равно некуда спешить.

Гаврила кивнул и исчез за дверью, а Илья снова устоялся на стол. Прямо перед ним лежал документ, ради которого он, собственно, и пришёл сегодня на работу на два часа раньше обычного. Это была «Форма номер семь дробь три буква Ж с приложением касательно допуска к телу князя для проведения следственных действий по делу о пропаже Рога Изобилия». Форма была большая, на четырёх листах, и каждый лист требовал заполнения с двух сторон.

Илья вздохнул и взялся за перо.

Надо сказать, что с детства Илья Муромец не любил писать. Когда он тридцать три года сидел на печи, ему часто

предлагали заняться грамотой, но он всякий раз отказывался, ссылаясь на то, что у него кости ломит. Кости, между прочим, действительно ломило, но не настолько, чтобы не держать перо. Однако Илья считал, что богатырю писать не к лицу, и до последнего отлынивал от этой обязанности. Сейчас же, когда он возглавил Палату, оказалось, что писать придется больше, чем мечом махать, и каждый раз, садясь за стол, он чувствовал себя так, будто идёт на битву с драконом, у которого не три головы, а сто, и каждая голова требует справку.

Перо скрипело. Илья, высунув от усердия кончик языка, выводил буквы, которые получались крупными и немножко кривыми, но зато разборчивыми. «Я, нижеподписавшийся, Илья, сын Иванов, прозванием Муромец...» - тут он задумался. Прозванием Муромец -это как-то не по-казённому, решил он и зачеркнул. Написал: «...уроженец города Муром...» -и снова задумался, потому что уроженцем Муромы он был, но провёл там только детство, а потом переехал в Киев, а из Киева -сюда, в Мелкоземелье, где и служил по сей день. Строго говоря, писать надо было «уроженец Муромы, проживающий в Мелкоземелье», но это уже не умещалось в строчку.

Пока Илья мучился с биографическими данными, дверь кабинета снова приоткрылась, и на пороге возник Добрыня Никитич. Он был, как всегда, безупречен: кольчуга надраена до блеска, шлем сиял так, что в него можно было смотреть-

ся вместо зеркала, а поверх доспехов был надет синий шёлковый плащ, который Добрыня называл «дипломатическим» и надевал исключительно на переговоры. В руке он держал тонкую папку из тиснёной кожи, в которой, судя по толщине, лежало не больше трёх листов, но зато каких.

-Здрав будь, Илья, -сказал Добрыня, усаживаясь на скамью для посетителей. -Я по поводу Змея.

Илья оторвался от формы и уставился на Добрыню. Змей Горыныч был его давней головной болью, причём в буквальном смысле, потому что голов у Змея было три, и каждая требовала отдельного подхода.

-Что опять? -спросил Илья.

-Третья голова, Степан, подал жалобу на среднюю, Яшу, -Добрыня раскрыл папку. -Якобы Яша без согласования с остальными головами съел трёх овец, которые паслись в заповедной зоне. Степан, как эколог, требует взыскать с Яши стоимость овец и наложить штраф за нарушение экологического равновесия.

-А левая голова что? -спросил Илья.

-Гоша? Гоша, как юрист, подал встречный иск. Он утверждает, что овцы не были заповедными, а были бродячими, и, следовательно, Яша имел полное право их съесть, поскольку бродячие овцы приравниваются к бесхозному имуществу, а бесхозное имущество может быть употреблено в пищу любым гражданином, включая сказочных существ.

Илья потёр виски. От таких новостей у него всегда начи-

нала болеть голова.

-И что ты предлагаешь? -спросил он.

-Я предлагаю видеоконференцию, -сказал Добрыня. -Волшебное блюдечко у меня с собой. Свяжемся со всеми тремя головами одновременно и решим вопрос.

Видеоконференция по волшебному блюдечку была относительно новым изобретением, которое внедрили после того, как Змей Горыныч в очередной раз прилетел во дворец лично и случайно сжёг хозяйственный сарай. После этого случая было решено, что все переговоры со Змеем будут проводиться удалённо, а сарай был отстроен заново, но уже с каменной крышей и табличкой «Осторожно, огнедышащие гости».

Добрыня достал из сумки обычное с виду блюдечко, голубое с золотым ободком, но стоило его потереть, как на поверхности появлялось изображение. Сейчас на блюдечке виднелось что-то дымное и неразборчивое, откуда доносились звуки, напоминающие одновременно шипение сковороды и бормотание.

-Алло, алло, Змей Горыныч, говорит Богатырская Палата, -сказал Добрыня в блюдечко.

Изображение задрожало, дым рассеялся, и на блюдечке появились три головы, вернее, одна голова на переднем плане (это была средняя, Яша), а две другие виднелись по бокам, причём правая, Степан, пыталась пролезть в кадр, а левая, Гоша, что-то записывала на бересте, не обращая внимания на происходящее.

-Слушаю, -сказала средняя голова. Голос у неё был сочный, басистый, какой бывает у людей, которые любят и умеют поесть. -Только побыстрее, у меня тут овца на вертеле, может подгореть.

-Яша, у нас жалоба от Степана, -начал Добрыня.

-От Степана?! -взревела правая голова, врываясь в кадр. -Да, у меня жалоба! Он, -Степан попытался ткнуть когтем в сторону средней головы, но промахнулся и попал в блюдечко, отчего изображение снова пошло дымом, -он съел трёх овец, которые числились в заповеднике! У них были бирки!

-Какие бирки? -возмутился Яша. -Это были не бирки, это репейник прицепился! И вообще, овцы гуляли без пастуха, а по закону, -он покосился на левую голову, -Гоша, подтверди!

Левая голова наконец оторвалась от своих записей, и на блюдечке показался Гоша. У него было лицо человека, который прочитал столько законов, что уже не помнит собственного имени, но зато помнит номер каждого параграфа.

-Статья тридцать вторая, пункт четвёртый Свода законов о бесхозном имуществе, -забубнил он монотонно. -Бесхозным признаётся имущество, не имеющее собственника, или собственник которого неизвестен. Овцы без пастуха и без опознавательных знаков признаются бесхозным имуществом. Следовательно, Яша имел право...

-У них были опознавательные знаки! -закричал Степан. -Я лично выдал каждой овце экологический паспорт и закрепил на левом ухе! Если Яша их съел вместе с ушами, это не моя

вина!

-А вот уши, -заметил Гоша, -если они были съедены вместе с паспортами, то это уже уничтожение документов, а это подсудность городского суда, а не Богатырской Палаты.

Илья, слушавший этот спор с возрастающим недоумением, понял, что ещё немного, и он начнёт завидовать тем временам, когда Змей Горыныч просто прилетал и сжигал сарай. Тогда, по крайней мере, всё было ясно: есть виновник, есть сарай, и не надо разбираться, какие овцы бесхозные, а какие с паспортами.

-Добрыня, -сказал он тихо, наклоняясь к соратнику, -сделай что-нибудь, а то у меня от них в голове звенит.

Добрыня кивнул и снова обратился к блюдечку:

-Уважаемые головы, предлагаю компромисс. Яша компенсирует стоимость овец, которых он съел, но без штрафа за экологию. Степан отзывает жалобу. Гоша составляет мировое соглашение. Все довольны.

Блюдечко замолчало, прерываемое только шипением -это у Яши за спиной действительно подгорала овца.

-Согласен, -сказал наконец Яша.

-Согласен при условии, что Яша впредь будет запрашивать разрешение на поедание овец у экологического отдела, -сказал Степан.

-У меня, -поправил Степана Гоша, -у юридического отдела. Потому что разрешение на поедание -это юридический документ, а экологический отдел может только подтвердить,

что овца не заповедная.

-А вот и нет...

Илья взял блюдечко и перевернул его изображением вниз. Спор оборвался на полуслове. В кабинете стало тихо.

-Знаешь, что, Добрыня, -сказал Илья, вытирая лоб, -давай-ка лучше вернёмся к вопросу о Роге Изобилия. Змеи пусть пока сами разбираются со своими овцами, у нас проблема поважнее.

Добрыня согласно кивнул и спрятал блюдечко обратно в сумку.

-Что известно? -спросил он.

Илья развёл руками:

-Известно, что Рог пропал. Известно, что пропал он три дня назад, но обнаружили пропажу только вчера, потому что кладовщик Ермолай запил, а замену ему не назначили. Известно, что на месте преступления нашли след.

-Какой след? -оживился Добрыня.

-Костяной ноги, -сказал Илья. -Отпечаток чёткий, глубокий. Сомнений нет -это Кощей.

Добрыня присвистнул. Кощей Бессмертный был фигурой в Мелкоземелье известной, но в последнее время он вёл себя тихо, занимался какими-то хозяйственными делами и в открытые конфликты не вступал. Похищение Рога Изобилия было для него шагом неожиданным и, надо сказать, довольно смелым.

-Что говорит князь? -спросил Добрыня.

-Князь говорит, чтобы мы нашли Рог, -вздохнул Илья. -И ещё он говорит, что лоб у него чешется и позеленел, но это уже к делу не относится.

Дверь кабинета с грохотом распахнулась, и на пороге возник Алёша Попович. Он, в отличие от Добрыни, одевался не в дипломатический плащ, а в яркую рубаху, расшитую золотыми нитками, и носил на голове не шлем, а какую-то немыслимую шапку с пером, которую сам называл «брендовой». В руках у Алёши было волшебное зеркальце, точная копия того, что висело у князя в тронном зале, только поменьше и в чехле из бычьей кожи.

-Приветствую, коллеги! -закричал Алёша с порога. -Вы уже в курсе? У нас сенсация! Рог Изобилия украден, князь в панике, а я, между прочим, уже запустил опрос в «Сказ-сетях»: «Кто виноват в пропаже Рога?» Варианты ответа: Кощей, Змей Горыныч, заезжие греки и бабка Агафья. Кстати, за бабку Агафью уже проголосовало четырнадцать человек.

-Почему бабка Агафья? -удивился Добрыня.

-Потому что она ведьма, -объяснил Алёша. -Ну, все так думают. А если все думают, значит, это правда, или как минимум хороший заголовок для хорошей статьи.

Илья тяжело поднялся из-за стола, едва не задев локтем тектоническую стопку номер три, которая угрожающе качнулась, но устояла. Он подошёл к окну и посмотрел на двор. Там, внизу, у входа в Богатырскую Палату, толпились какие-то люди, видимо, те самые просители, чьи грамоты сей-

час лежали на его столе. Один из них, в малиновом кафтани и шапке с бубенчиками, что-то оживлённо рассказывал окружающим, размахивая руками. Это был «заморский посол», которого велели принять и который, судя по всему, уже успел обратить в свою веру половину посетителей.

-Что будем делать с Рогом? -спросил Илья, отворачиваясь от окна.

-Надо посылать кого-то к Кощею, -сказал Добрыня. -И чем скорее, тем лучше. Если Рог не вернуть до солнцестояния, то сами знаете, что будет.

Все знали, что будет, но вслух говорить не хотели, потому что это было слишком неприятно. Рог Изобилия был не просто артефактом, кормившим всё Мелкоземелье, -он был частью какого-то древнего договора, заключённого ещё при основателях, и если его не вернуть вовремя, могло начаться такое, о чём даже в летописях упоминали шёпотом и с оговорками.

-Есть у нас кто-нибудь свободный? -спросил Алёша, поправляя шапку с пером. -Я бы сам поехал, но у меня завтра запись прямого эфира с Соловьём-Разбойником, он обещал дать эксклюзивное интервью о том, как его выгнали из княжеского хора, а это, друзья, контент.

-У меня переговоры с циклопами на носу, -сказал Добрыня. -Они опять перекрыли проход на Калиновом мосту и требуют признания их суверенитета.

Илья снова вздохнул. Он мог бы поехать сам, но для этого

нужно было заполнить ещё одну форму, на этот раз о временном освобождении от обязанностей главы Палаты, а форма лежала под тектонической стопкой номер два, и достать её было ещё труднее, чем первую.

-Есть у меня одна мысль, -сказал Илья после паузы. -Князь вчера повелел набрать добровольцев. Я отправил за ними Жихаря. Посмотрим, кого он приведёт.

-Жихаря? -переспросил Добрыня и поморщился. -Это который с подтяжками?

-Это который с подтяжками, -подтвердил Илья. -Но других свободных не было. Так что будем ждать.

За окном тем временем человек в малиновом кафтане закончил свою речь и раскланялся перед слушателями, которые встретили его выступление жидкими, но искренними хлопками. Это был Фома Забубенный, и он понятия не имел, что через несколько часов его жизнь изменится самым невероятным образом, а ещё через день он отправится в путешествие, из которого, честно говоря, имел все шансы не вернуться. Но пока что он был доволен: в Богатырской Палате ему дали бесплатный обед (щи с грибами и пирог с горохом), а сам он, представившись послом, успешно избежал встречи с боярином Жихарем, который всё ещё ездил где-то по городу и искал мошенника.

В лесу же, на опушке, Дубыня проснулся от того, что берёза, под которой он ночевал, уронила ему на лоб утреннюю росу. Роса была холодная, и Дубыня чихнул так, что с сосед-

него дуба свалилось прошлогоднее гнездо. Он сел, протёр глаза и первым делом проверил, не помялась ли вышивка. Вышивка была в порядке, гном номер три по-прежнему походил на гриб, но Дубыня решил, что это даже придаёт ему индивидуальности.

-Ну что, красавица, -обратился он к берёзе, -пойду я. Пора управу искать на дровосеков. А то так они весь лес изведут, и останутся от тебя одни воспоминания.

Берёза промолчала, но Дубыне показалось, что она грустно вздохнула. Он погладил её по стволу, собрал свои пожитки и зашагал по тропинке в сторону города.

Василиса, которая провела ночь на соседнем дереве и почти не спала, потому что боялась свалиться, увидела, что Дубыня уходит, и поспешно слезла вниз. Она решила, что сегодня обязательно с ним заговорит, потому что вечно сидеть в кустах и подслушивать разговоры с берёзами -это, конечно, интересно, но не совсем та богатырская слава, о которой она мечтала.

Утро вступало в свои права. Солнце поднималось над Мелкоземельем, освещая и княжеский дворец, и Богатырскую Палату, и лес, и ярмарку, которая после вчерашнего шума притихла и теперь напоминала уставшего зверя, свернувшегося калачиком. Впереди был новый день, и он обещал быть ещё более суматошным, чем предыдущий. Впрочем, как показывает опыт, в Мелкоземелье других дней почти не бывает.

Глава третья. Ошибка в трёх экземплярах, или Как боярин Жихарь сам себя перехитрил

Боярин Жихарь Облеухов проснулся в то утро с твёрдым намерением кому-нибудь отомстить. Это намерение не было вызвано каким-то конкретным поводом, просто Жихарь принадлежал к той породе людей, которые чувствуют себя особенно хорошо только тогда, когда кому-нибудь плохо. А поскольку вчера ему целый день не удавалось сделать плохо решительно никому (мошенник в малиновом кафтане ускользнул, князь был не в духе и не принял доклад, а кум выиграл спор о ценах на мёд), то сегодня боярин ощущал острую нехватку жизненных сил. Ему требовалось срочно испортить чьё-нибудь настроение, и лучше всего, сразу несколькими людям.

Судьба, которая, как известно, любит подыгрывать злодеям ровно до того момента, пока не решит посмеяться над ними, подкинула Жихарю такую возможность прямо за завтраком. В трапезную, где боярин в одиночестве поглощал пирог с капустой и размышлял, кого бы сегодня наказать (на ум приходили пока только собственные слуги, но это было скучно), вошёл запыхавшийся дьяк из Богатырской Палаты. Дьяк был, с бородавкой на носу, который вчера на ярмарке принял Фому за посла и теперь очень боялся, что эта исто-

рия выплывет наружу. Он нервно теребил в руках берестяную грамоту и кланялся так часто, что бородавка его мелькала, как муха над горшком с вареньем.

-Боярин-батюшка, -заговорил дьяк, всё ещё кланяясь, -Илья Иванович велели передать распоряжение. Надобно сыскать трёх добровольцев для опасного дела государственной важности. Пойдут, стало быть, к Кощею Бессмертному, Рог Изобилия вызволять. А кого сыскать, Илья Иванович не уточнили, сказали: сам, мол, смотри, чтоб люди были крепкие и на вид геройские. А ещё сказали, чтоб к обеду доставил.

Жихарь перестал жевать и уставился на дьяка. В голове его, где обычно вяло шевелились две-три мысли, вдруг закрутился целый вихрь. Три добровольца. К Кощею. Опасное дело. Геройские на вид. И полная свобода выбора. Если бы в этот момент кто-нибудь заглянул боярину в глаза, он бы увидел там такое злорадное сияние, что мог бы ослепнуть. Но дьяк смотрел в пол, а слуги вообще старались не встречаться с хозяином взглядом, потому что берегли нервы.

-Ступай, -сказал Жихарь, выхватывая грамоту. -Скажи Илье, что к обеду будут.

Дьяк исчез с такой скоростью, словно за ним гнались пчёлы. Жихарь остался один, если не считать пирога, который уже успел остыть и выглядел таким же недовольным, как его хозяин. Боярин отодвинул тарелку и задумался.

Первым делом нужно было понять, где взять трёх дураков,

согласных добровольно идти к Кощею. Таких дураков в Мелкоземелье было, конечно, немало (в любой стране их хватает), но требовались дураки особого свойства -геройские на вид, но при этом совершенно непригодные к делу. Жихарю вовсе не хотелось, чтобы Рог Изобилия действительно вернули: во-первых, это означало бы, что князь укрепит свою власть, а Жихарь давно мечтал эту власть слегка расшатать, а во-вторых, у боярина был свой интерес. Он уже вёл тайные переговоры с Великим Полозом о концессии на недра Мелкоземелья, и в случае голода, который неизбежно наступил бы без Рога, цены на недра взлетели бы до небес. Проще говоря, Жихарь хотел, чтобы посланные к Кощею герои непременно провалились, но чтобы при этом никто не мог обвинить его в саботаже.

И тут он вспомнил про Троиخ из Ларца.

Надо сказать, что Трое из Ларца были, пожалуй, самым удивительным изобретением, которое когда-либо появлялось в Мелкоземелье. Никто толком не знал, откуда они взялись: одни говорили, что их создал какой-то древний маг, страдавший рассеянностью и потому сотворивший три копии вместо одной, другие утверждали, что они получились в результате неудачного эксперимента с зеркалом, а третьи и вовсе считали, что это братья-близнецы, которых в детстве уронили в котёл с волшебным зельем, и они с тех пор стали не просто похожи, а абсолютно, до последней веснушки, идентичны. Звали их Ух, Ты и Эх, причём кто из них, кто,

не знали даже они сами, потому что когда трое абсолютно одинаковых людей с младенчества путаются в собственных именах, рано или поздно наступает момент, когда они машут рукой и решают: пусть будет так, всё равно никто не отличит.

Отличать их действительно было невозможно. Все трое были невысокого роста, с круглыми, румяными лицами, на которых застыло выражение постоянной готовности услужить, и с глазами, в которых светилась такая кристальная честность, что сразу хотелось проверить, на месте ли кошелёк. Одевались они одинаково, в серые кафтанчики с медными пуговицами, и одинаково же улыбались, когда к ним обращались. Служили они, согласно древнему договору, исполнителями желаний, но исполняли их с такой буквальной точностью, что результат почти всегда оказывался противоположным ожидаемому. Если им говорили: «Принесите воды», они приносили именно воды, но могли принести её в решете, потому что в приказе не было уточнено, в чём нести. Если им велели «поймать курицу», они ловили курицу, но могли загнать её на крышу и там оставить, потому что про то, что курицу нужно доставить на кухню, им не сказали. В общем, это были идеальные исполнители для того дела, которое задумал Жихарь.

Обитали Трое из Ларца в чулане при дворцовой прачечной не потому, что им там нравилось, а потому, что однажды кто-то из слуг сказал: «Да чтоб вы провалились в чулан!», и они, буквально поняв приказ, провалились и с тех пор там

жили. Чулан был тесный, с низким потолком и пах мокрым бельём, но Трое не жаловались: они вообще редко жаловались, потому что жалоба -это тоже в своём роде пожелание, а пожелания, как они знали по опыту, имеют свойство сбываться самым неожиданным способом.

Жихарь спустился в прачечную, едва не поскользнувшись на мокром полу (прачки, стиравшие княжеское бельё, плеснули воду прямо ему под ноги, но извиняться не стали, потому что боярина в прачечной не любили и даже немного презирали за привычку заглядывать под крышки котлов). Он толкнул дверь чулана и замер на пороге, привыкая к полумраку. Трое сидели рядком на перевёрнутом корыте и, кажется, играли в какую-то игру, смысл которой сводился к тому, чтобы по очереди повторять друг за другом одно и то же движение. При виде боярина они разом вскочили и вытянулись, как солдаты на смотре.

-Здоровья желаем, боярин! -сказали они хором. Получилось довольно громко, и одна из прачек за стеной уронила шайку.

-К делу, -сказал Жихарь, брезгливо оглядывая чулан. -Есть ответственное поручение государственной важности. Вы ведь хотите послужить Мелкоземелью?

Трое дружно закивали, причём сделали это так синхронно, что со стороны казалось, будто кивает один человек, только почему-то в трёх экземплярах.

-Слушайте внимательно, -продолжал Жихарь, понижая

голос. -У Богатырской Палаты сегодня с утра будет толпиться народ. Ваша задача -взять тех трёх человек, которые первыми войдут в двери. Именно первыми. Не вторыми, не третьими, а первыми. Понятно?

-Первыми войдут, -повторил Ух (или Ты, или Эх -боярин не разбирал).

-В двери, -уточнил второй.

-Понятно, -заклучил третий.

-И не просто взять, -Жихарь поднял палец, -а доставить в тронный зал. Прямо к князю. Скажете: вот, мол, добровольцы, готовые идти к Кощею. И передадите князю вот эту грамоту, -он сунул первому попавшемуся в руки свёрнутую бересту. -Всё. Никаких лишних разговоров, никаких вопросов. Берёте первых вошедших и тащите во дворец. Выполняйте.

Трое снова закивали и, не сговариваясь, двинулись к выходу. Жихарь посторонился, пропуская их, и добавил уже вслед:

-И смотрите, не перепутайте первых со вторыми. Первый -это который самый первый. Поняли?

-Первый -который первый, -подтвердил один из Троиц.

-Не второй, -добавил второй.

-И не третий, -завершил третий.

Жихарь вздохнул. У него было стойкое ощущение, что он только что запустил цепочку событий, которая приведёт к чему-то совершенно непредсказуемому, но, с другой стороны, именно на это он и рассчитывал. Чем хуже справятся

«добровольцы», тем лучше для него.

Трое из Ларца вышли из прачечной, пересекли двор и направились к Богатырской Палате. Шли они, как всегда, в ногу, и встречные прохожие невольно оглядывались: зрелище трёх одинаковых фигур, марширующих с серьёзным видом, вызывало смешанное чувство удивления и лёгкой тревоги.

У дверей Палаты действительно толпился народ. Тут были и купцы с прошениями, и крестьяне с жалобами, и просто любопытные, которым нечем было заняться в этот час. Трое встали у самого входа и замерли, как три изваяния, только глаза их внимательно следили за каждым, кто приближался к дверям.

Первым, кто подошёл к дверям, оказался, конечно же, Фома Забубенный. Он как раз покинул Богатырскую Палату после сытного обеда (щи с грибами и пирог с горохом, как уже упоминалось) и теперь размышлял, куда бы направиться. Остаться в Палате дольше было опасно: во-первых, его могли в любой момент разоблачить как самозванного посла, а во-вторых, он заметил в коридоре боярина Жихаря, и, хотя боярин его не узнал, Фома предпочёл не рисковать. Он решил, что пора на время покинуть Мелкоземелье, и как раз обдумывал, не податься ли в соседнее царство, где его пока не знают, но тут дорогу ему преградили три совершенно одинаковых человека в серых кафтанчиках.

-Вы первый, -сказал один из них.

-Что значит -первый? -удивился Фома. -Первый куда? Я

вообще никуда не первый. Я в очереди за щами был седьмой, и то потому, что шестеро передо мной передрались.

-Вы первый вошли в дверь, -пояснил второй.

-В какую дверь? -Фома оглянулся. -Я вышел из двери, а не вошёл. Это большая разница.

Трое переглянулись. С точки зрения буквального понимания приказа, разница между «вошёл» и «вышел» действительно существовала. Но, с другой стороны, дверь была одна и та же, и человек через неё прошёл, а про то, в каком направлении он должен был двигаться, боярин ничего не говорил.

-Дверь одна, -сказал третий после паузы. -Направление не уточнено. Вы проходят через дверь первым. Вы наш.

-Что значит -ваш? -возмутился Фома, начиная догадываться, что дело принимает скверный оборот. -Я сам по себе, я ничей. Отойдите, мне нужно идти.

Но Трое уже взяли его в кольцо. Они не делали резких движений, не хватали за руки, но просто стояли так, что пройти между ними было невозможно. Фома, оценив ситуацию, решил, что сопротивление бесполезно, и вздохнул.

-Ладно, ведите, куда там вам велено. Но учтите: я лицо дипломатическое, со мной нужно обращаться уважительно.

Тем временем к дверям Богатырской Палаты приближался Дубыня. Он шёл через город медленно, потому что по дороге ему встретилось несколько интересных вещей: во-первых, телега с горшками, на которых были нарисованы цве-

точки, и Дубыня, большой любитель цветов, засмотрелся и чуть не упал в канаву, а во-вторых, бродячий кот, который сидел на заборе и так выразительно мяукал, что Дубыня не удержался и погладил его, после чего кот увязался за ним и теперь шёл следом, задрав хвост. В общем, к Богатырской Палате Дубыня добрался только тогда, когда Фома уже стоял под конвоем из трёх одинаковых фигур.

-Простите, -сказал Дубыня вежливо, обращаясь к человеку в малиновом кафтане (он принял Фому за кого-то вроде служащего), -я ищу, куда подать жалобу на дровосеков. Они стучат в лесу и пугают берёзу. Берёза, конечно, не жалуется, она вообще молчит, но я за неё переживаю.

Фома, который уже понял, что его втянули в какую-то историю, посмотрел на Дубыню с интересом. Гора мышц, разговаривающая о берёзе, -это было даже для Мелкоземелья необычно.

-Жалобы принимают внутри, -сказал один из Троих. -Вы второй.

-Второй? -удивился Дубыня. -Какой второй? Я вообще не считал. Я просто шёл.

-Вы второй подошли к дверям, -уточнил другой из Троих. -Первый уже здесь, -он указал на Фому. -Вы будете вторым.

-Я не против быть вторым, -миролюбиво сказал Дубыня. -Лишь бы жалобу приняли.

И он покорно встал рядом с Фомой, который смотрел на него с любопытством и некоторым облегчением: если уж

влипать в неприятности, то вдвоём веселее. Кот, следовавший за Дубыней, уселся поодаль и принялся вылизывать лапу, всем своим видом показывая, что человеческие дела его не касаются.

А теперь настала очередь Василисы. Она, как мы помним, следовала за Дубыней с самого леса и всё утро пыталась набраться храбрости, чтобы к нему подойти. Но когда Дубыня остановился у дверей Палаты и встал рядом с каким-то подозрительным типом в малиновом кафтане, Василиса решила, что момент для знакомства неподходящий. Она спряталась за углом и принялась наблюдать. Однако Трое из Ларца, у которых было отличное периферийное зрение (потому что, когда вас трое, вы можете смотреть в три стороны одновременно), заметили её сразу.

-Вон, за углом, -сказал первый.

-Третий, -сказал второй.

-Или третья, -добавил третий, прищурившись.

Василиса поняла, что её обнаружили, и решила, что бежать поздно. Она вышла из-за угла и, стараясь говорить басом (что у неё получалось не очень), спросила:

-Чего вам?

-Вы подошли к дверям, -сказал один из Троих.

-Я не подходила... то есть не подходил, -поправилась Василиса, краснея. -Я просто стоял.

-Вы третий, -безапелляционно заявил второй. -Идёмте.

И Василиса, поняв, что спорить бесполезно, присоеди-

лась к Фоме и Дубыне. Она старалась не смотреть на Дубыню, чтобы не выдать своего волнения, но Дубыня, который до этого разглядывал облака, вдруг повернулся к ней и сказал:

-А ты чего такой красный? Или ты краснеешь от природы? У меня вот один знакомый гриб был, тоже всё время краснел, а потом оказалось, что он мухомор.

Василиса чуть не провалилась сквозь землю, но, к счастью, именно в этот момент Трое из Ларца скомандовали: «За мной!» -и двинулись ко дворцу. Фома, Дубыня и Василиса, подталкиваемые с трёх сторон, последовали за ними.

Шествие это представляло собой зрелище в высшей степени примечательное. Впереди шагали трое одинаковых людей, за ними шел человек в малиновом кафтане с бубенчиками, который поминутно оглядывался, прикидывая, нельзя ли сбежать, затем следовала гора мышц с кротким выражением лица, бережно прижимающая к груди пяльцы с вышивкой, и, наконец, юный оруженосец, который спотыкался на каждом шагу, потому что пытался одновременно идти, смотреть на спину Дубыни и не встречаться взглядом с Фомой, который, кажется, начал что-то подозревать. Замыкал процессию бродячий кот с задранным хвостом.

Во дворце тем временем шло совещание. Князь Владимир, чей лоб всё ещё отдавал зеленыю, но уже не чесался так отчаянно, сидел на троне и слушал доклад Ильи Муромца. Рядом стоял Добрыня Никитич со своей кожаной папкой, а

Алёша Попович, сидя на подоконнике, настраивал волшебное зеркальце для прямого эфира.

-Стало быть, добровольцев пока нет, -говорил Илья, заглядывая в какую-то бумажку, которую он всё-таки вытащил из-под тектонической стопки, но она оказалась не формой допуска, а рецептом солёных огурцов, и теперь Илья пытался делать вид, что так и надо. -Жихарь обещал к обеду доставить, но Жихарю я верю меньше, чем бабке Агафье.

-Бабка Агафья, между прочим, лидирует в опросе, -замечтил Алёша, не отрываясь от зеркальца. -За неё уже двадцать три голоса. Кощей отстаёт.

-При чём тут опрос? -поморщился Добрыня. -Нам нужны люди, которые пойдут к Кощей и вернут Рог. Это не шутка.

-Вот именно, -подхватил князь, потирая лоб. -Мне этот Рог нужен позарез. Во-первых, без него народ начнёт голодать, а голодный народ -это бунты, жалобы и прочие неприятности. Во-вторых, у меня скоро приём заморских гостей, а кормить их нечем. А в-третьих...

Что именно было, в-третьих, князь не договорил, потому что двери тронного зала распахнулись, и на пороге возникли Трое из Ларца. За ними, подталкиваемые в спины, ввалились Фома, Дубыня и Василиса. Кот, следовавший за процессией,

проскользнул между ног и уселся прямо посередине зала, с интересом оглядывая мозаичный пол.

-Вот! -объявили Трое хором и с гордостью, как будто они доставили по меньшей мере самого Кощея связанным. -Первые, кто вошёл в двери Богатырской Палаты! Добровольцы для опасного дела!

В зале воцарилась тишина. Князь Владимир медленно перевёл взгляд с Троих из Ларца на доставленных. Илья Муромец поперхнулся и закашлялся. Добрыня поправил шлем, хотя шлем сидел идеально. Алёша Попович, забыв про зеркальце, уставился на Дубыню.

Первое, что бросалось в глаза, были габариты Дубыни. В тронном зале, с его высокими сводами и колоннами, Дубыня смотрелся особенно внушительно. Он возвышался над остальными, как дуб возвышается над кустарником, и его плечи, казалось, занимали половину дверного проёма. При этом выражение лица у него было такое добродушное и немного смущённое, словно он случайно зашёл не в ту дверь и теперь не знает, как извиниться.

-Это что такое? -спросил князь, обретя наконец дар речи.

-Добровольцы, -повторили Трое из Ларца. -Как велено. Первые вошедшие.

-Я не входил, -подал голос Фома. -Я выходил. Это совсем другое. Я вообще здесь случайно. Мне, если честно, уже пора.

-А я жалобу хотел подать, -добавил Дубыня. -На дровосе-

ков. Они стучат. Берёза страдает.

-А я... -начал было третий (вернее, третья), но осёкся, потому что её голос дал петуха.

Князь, который слушал всё это с возрастающим недоумением, вдруг поднялся с трона и подошёл к Дубыне. Он обошёл его кругом, задрал голову (потому что Дубыня был выше князя на две головы, даже если не считать княжеской шапки), и неожиданно просиял.

-Погодите, -сказал он. - Это же то, что надо! Вы только посмотрите на него! Рост, плечи, мускулы! Это же готовый богатырь! Да с таким хоть на Кощея, хоть на кого! А что он про берёзу говорит -так это даже хорошо. Значит, душа добрая. Добрые люди, они, говорят, удачливые.

-Княже, -попытался возразить Добрыня, -но позволь, мы же даже не знаем, кто эти люди...

-Узнаем по дороге! -отмахнулся Владимир. Он уже мысленно видел, как могучий Дубыня врывается в замок Кощея, и эта картина ему очень нравилась. -А это кто, в малиновом?

- Это... это... -Фома хотел сказать «посол», но вовремя осёкся, сообразив, что послы, которых ловят у дверей и тащат в тронный зал, - это какие-то неправильные послы. -Я купец, -сказал он. -Простой купец. Торгую мазями.

-Тем лучше, -кивнул князь. -Купцы - народ хитрый, умеют договариваться. С Кощеем без хитрости никак. А это кто, мелкий?

Василиса, которую называли «мелким», возмущённо вски-

нула голову, но вспомнила, что она вообще-то притворяется парнем, и только буркнула что-то неразборчивое.

- Это оруженосец, - сказал Фома, который решил, что в данной ситуации лучше держаться вместе. - Мой оруженосец. Очень, между прочим, способный.

- Отлично! - Князь хлопнул в ладоши. - Три богатыря! То, что нужно! Едете к Кощею, возвращаете Рог Изобилия, получаете награду и вечную славу. Всё просто!

- Куда едем? - переспросил Дубыня. - К Кощею? А как же дровосеки?

- С дровосеками потом разберёмся, - пообещал князь. - Сперва Кощей. Это государственное дело, важнее дровосеков.

Фома, услышав про Кощея, побледнел. Он, конечно, был аферистом, но в разумных пределах: продавать поддельные мази, выдавать себя за посла - это одно, а идти к Бессмертному злодею, который коллекционирует кости и питается, по слухам, молодостью, - это совсем, совсем другое. Он открыл было рот, чтобы сказать, что никуда не поедет, что он болен, что у него жена, дети и престарелая тётушка, но вдруг увидел лицо князя, сияющее от восторга, и понял, что отпираться бесполезно. Князь уже всё решил, и спорить с ним сейчас было всё равно что спорить с телегой, которая катится под горку.

И тут Фома сделал то, что делал всегда в минуты крайнего стресса: он упал в обморок. Не в притворный, а в самый на-

стоящий, потому что нервы у него, несмотря на всё его при-
творство, были не железные. Он рухнул на мозаичный пол
тронного зала, причём бубенчики на его шапке издали жа-
лобное «дзинь», и затих.

Дубыня, увидев, что человеку плохо, немедленно бросил-
ся на помощь. Он приподнял Фому за плечи (что при его си-
ле было всё равно что поднять пушинку) и принялся обма-
хивать его пальцами с вышивкой, приговаривая:

-Воды! Человеку нужна вода! И покой! И, может быть,
компресс на лоб!

Кот, сидевший посреди зала, подошёл к лежащему Фоме,
обнюхал его и, видимо, решив, что ничего интересного тут
не будет, улёгся рядом, свернувшись калачиком.

Василиса стояла, не зная, что делать. Ей очень хотелось
помочь Дубыне, но она боялась выдать себя. Кроме того, она
всё ещё переваривала известие о том, что они, кажется, толь-
ко что стали богатырями и должны идти к Кощею. С одной
стороны, это было именно то, о чём она мечтала: опасное
приключение, возможность проявить себя. С другой - компа-
ния подобралась странная: один всё время врёт, второй раз-
говаривает с деревьями, а она сама вообще скрывает, кто она
такая.

Князь Владимир между тем был совершенно счастлив. Он
вернулся на трон и велел немедленно готовить грамоту о на-
значении трёх новых богатырей на поиски Рога Изобилия.
Илья Муромец хмуро смотрел на происходящее, но возра-

жать не стал: приказ есть приказ, а добровольцы - вот они, хоть и не совсем в том виде, в каком он ожидал. Добрыня что-то записывал в свою папку, периодически качая головой. Алёша Попович уже настраивал зеркальце на крупный план Дубыни, бормоча что-то про «отличный кадр» и «народ это полюбит».

А Трое из Ларца, исполнив приказ, тихо удалились обратно в свой чулан, где ещё долго обсуждали, правильно ли они всё сделали, и пришли к выводу, что в целом правильно, хотя насчёт направлений движения через дверь стоило бы уточнить в следующий раз. Но это, как известно, уже совсем другая история.

Глава четвёртая. Брифинг у Алёши Поповича, или Как правильно улыбаться, когда тебя съесть хотят

Утро в Мелкоземелье начиналось не с петухов, потому что петухи в княжеском хозяйстве были переведены на удалённую работу: ещё при деде Владимира выяснилось, что один петух кричит в три, второй в четыре, а третий вообще в полночь, подражая сове, и от этого во дворце постоянно путали время. Петухов отправили в дальний курятник, а вместо них завели солнечные часы, которые, правда, в пасмурную погоду показывали всё что угодно, кроме правильного времени, но это считалось меньшим злом. Словом, когда Фома Забубенный открыл глаза, он понятия не имел, который час, но зато прекрасно знал, что голова у него болит, спина затекла, а во рту такой вкус, будто он всю ночь жевал прошлогоднюю бересту.

Он лежал на широкой дубовой скамье в одном из покоев Богатырской Палаты, куда его вчера перенесли после обморока. Под головой у него обнаружился валик, набитый сеном и пахнувший мятой, а на лбу пристроилась влажная тряпица, которая сползла на нос. Фома снял тряпицу, сел и огляделся. Комната была небольшая, но светлая, с окошком, в которое заглядывала любопытная ветка яблони. У стены сто-

ял Дубыня, который, судя по всему, провёл здесь всю ночь: он сидел на сундуке, склонившись над своими пальцами, и вышивал при свете тонкой лучинки. Лучника потрескивала, тени метались по стенам, а Дубыня тихонько напевал себе под нос нечто заунывное, что при ближайшем рассмотрении оказалось колыбельной.

-Ты чего не спишь? -прохрипел Фома, пытаясь принять вертикальное положение. Получилось не сразу, потому что спина действительно затекла, а скамья была рассчитана на человека куда более короткого.

-Я сплю, -отозвался Дубыня, не поднимая головы. -Только урывками. Мне гороскоп велел сегодня быть осторожным с поясницей. А у вас, между прочим, пульс был неровный, я считал.

-Ты считал мой пульс? -изумился Фома. -Зачем?

-На всякий случай. Я, знаете ли, немного разбираюсь в медицине. Когда живёшь в лесу один, поневоле научишься и пульс считать, и компрессы делать. У меня там один барсук был с мигренью, так я его вылечил. Правда, он потом перестал рыть норы и начал читать стихи, но это, наверное, побочное действие.

Фома хотел было уточнить про барсука, который читает стихи, но решил, что это подождёт. Вместо этого он осторожно спросил:

-А что вчера было? Я помню только, что этот... лысый, то есть князь... и потом темнота.

-Вы упали в обморок, -охотно объяснил Дубыня. -Прямо на мозаичный пол. Я хотел вас поднять, но вы были какой-то скользкий. Потом пришёл лекарь, сказал, что это нервное, и велел положить на лоб что-нибудь прохладное. Я положил капустный лист, но он согрелся. Тогда я положил тряпицу. А капусту мы потом съели, она всё равно была уже не первой свежести.

Фома потрогал лоб и понял, что на нём действительно остался слабый запах капусты. Это было не очень приятно, но, с другой стороны, могло быть и хуже: однажды после неудачной сделки с партией «волшебных эликсиров» он проснулся в коровнике с запахом навоза, и поэтому капуста казалась ему почти духами.

-Ладно, -сказал он, спуская ноги со скамьи. -Где этот... второй... ну, мелкий такой, который всё время краснеет?

-Оруженосец ваш? -уточнил Дубыня. -Он спит в коридоре. То есть не спит уже, а, кажется, тренируется. Я слышал, как он там топает и что-то бормочет.

Василиса действительно не спала. Она провела ночь в коридоре, свернувшись калачиком на жёсткой лавке (оруженосцам не полагалось отдельных покоев, а спросить она стеснялась), и теперь, пользуясь тем, что вокруг никого не было, тренировалась выхватывать меч из ножен. Меч ей выдали накануне, самый маленький, какой нашёлся в оружейной, но всё равно он был Василисе великоват и при каждом резком движении бил её по колену. Она уже трижды чуть не

упала, дважды ударилась локтем о стену и один раз едва не снесла горшок с геранью, стоявший на подоконнике. Герань испуганно трепетала, а Василиса злилась на себя, на меч и на весь мир, в котором богатырём быть хотелось, а получалось только колотить себя по ногам.

В этот самый момент в конце коридора слышались лёгкие, пружинистые шаги, с каким-то особенным ритмом, словно человек не шёл, а танцевал. Из-за поворота вывернул Алёша Попович. Рубаха на нём была новая, расшитая серебряными нитками, которые складывались в узор, напоминающий то ли дракона, то ли очень нервную утку. Шапка с пером сидела набекрень, а сапоги блестели так, что в них можно было увидеть собственное отражение, причём в более выгодном свете, чем в жизни.

-Доброе утро, богатыри! -провозгласил Алёша, широко улыбаясь. Улыбка у него была профессиональная: ровно настолько открытая, чтобы вызывать доверие, и ровно настолько сдержанная, чтобы не выглядеть глупым. -Как спалось? Готовы к великим свершениям? Зеркальце я уже настроил, аудитория ждёт!

-Какая аудитория? -испуганно спросил Фома, высовываясь из дверей. -Кто ждёт? Я никого не жду, и меня никто не ждёт, я человек скромный.

-Как это -какая? -Алёша даже остановился от такого невежества. -Сказ-сети! Прямой эфир! Народ Мелкоземелья желает знать своих героев в лицо. Вы же теперь не просто три случайных прохожих, вы надежда государства. А надежда государства должна уметь держаться перед зеркальцем, иначе что о нас подумают заморские царства? Подумают, что у

наш богатыри даже улыбаться не умеют. А это, между прочим, международный имидж!

Дубыня, который к тому времени отложил пяльцы и вышел в коридор, задумчиво почесал затылок.

-А зачем улыбаться? -спросил он. -Кощею, что ли? Так он, говорят, сам никогда не улыбается. У него от улыбки кожа трескается. Или кость. Я точно не помню.

-Кощею улыбаться не надо, -терпеливо, как ребёнку, объяснил Алёша. -Улыбаться надо в зеркальце. Чтобы народ видел: наши богатыри -весёлые, уверенные в себе люди, которые идут на подвиг с лёгким сердцем и лучезарной улыбкой. Это поднимает боевой дух. Кроме того, если вы хорошо выступите в эфире, нам будет проще собрать на вашу миссию пожертвования. Снаряжение, кони, провиант -это всё денег стоит, а казна, сами понимаете, не резиновая.

Услышав про коней и провиант, Фома оживился. Мысль о том, что за казённый счёт можно раздобыть хорошего коня, а при случае и продать его где-нибудь по дороге, показалась ему чрезвычайно привлекательной. Кроме того, он вдруг вспомнил, что в городе у него остались непогашенные долговые обязательства перед тремя купцами, одним трактирщиком и одной вдовой, которой он продал амулет «от всех болезней», оказавшийся обычной пуговицей. Вдова была женщиной настойчивой и, по слухам, уже наняла двух дюжих молодцев, чтобы они «разыскали этого малинового прохвоста и объяснили ему, почём нынче пуговицы». Перспек-

тива покинуть город на казённых конях и с официальным поручением выглядела теперь не просто заманчивой, а прямо-таки спасительной.

-Я согласен, -сказал Фома, выходя вперёд. -Готов хоть сейчас в эфир. Но у меня условие.

-Какое? -насторожился Алёша.

-Я хочу быть не просто богатырём. Богатырей у нас много, а толку? Я хочу быть Великим послом Мелкоземелья. С соответствующей грамотой, с печатью и с правом вести переговоры от имени князя. Кощей ведь не дикарь, он существо, облечённое властью. С ним нужно говорить на равных. А кто будет говорить? Вот именно -Великий посол.

Алёша задумался. С одной стороны, Фома явно был проходимцем, и доверять ему дипломатический статус было всё равно что доверить козлу капустную грядку. С другой -мысль о том, что один из богатырей будет официальным послом, придавала миссии дополнительный вес и могла послужить отличным материалом для прямого эфира. «Смотрите, -скажет он в зеркальце, -сам Великий посол Мелкоземелья отправляется в логово врага!» Это звучало.

-Ладно, -решил он. -Будет тебе грамота. Илья поворчит, но подпишет, он сегодня добрый, потому что у него наконец приняли форму номер семь дробь три буква Ж. Теперь идём во двор, брифинг устроим прямо там, на свежем воздухе и при хорошем освещении. Зеркальце любит естественный свет.

Во дворе Богатырской Палаты уже суетились какие-то люди: конюхи, писцы, пара дружинников, которым было скучно и которые пришли поглазеть на новых героев. Посередине двора, прямо на утопанной земле, стояло деревянное чучело коня, сколоченное из досок и обтянутое старой попоной. Конь этот использовался для тренировки молодых дружинников, которые учились садиться в седло, не сворачивая себе шею. Вид у чучела был довольно облезлый, но Алёша решил, что для брифинга сгодится.

-Итак, -начал он, когда троица выстроилась перед ним в неровную шеренгу, -начинаем базовый курс богатырского пиара. Занятие первое: «Как смотреться в зеркальце». Правило номер один: никогда не смотрите прямо в зеркальце, если у вас мрачное лицо. Мрачное лицо транслирует неуверенность. Неуверенность -это плохо. Враг видит неуверенность и радуется. Поэтому всегда лёгкая полуулыбка. Вот так.

Он продемонстрировал. Полуулыбка у него была отработана до автоматизма: уголки губ чуть приподняты, глаза слегка прищурены, брови расслаблены. В целом выражение лица получалось такое, будто он только что услышал приятную новость, но ещё не решил, радоваться ей всерьёз или нет.

-Теперь вы, -скомандовал он. -Дубыня, начнём с вас.

Дубыня послушно растянул рот в улыбке. Получилось не очень: мускулы лица, привыкшие к спокойному, задумчивому выражению, сопротивлялись, и улыбка вышла такая, буд-

то Дубыня собирался чихнуть, но передумал. Глаза при этом оставались совершенно серьёзными, отчего весь эффект получался слегка пугающим.

-Нет-нет-нет, -замахал руками Алёша. -Это не улыбка, это гримаса. Улыбаться нужно не только ртом, но и глазами. Представьте, что вы увидели что-то очень приятное. Например, цветущий луг. Или большую миску с мёдом.

-Я представил берёзу, -честно сказал Дубыня. -Она мне вчера приснилась. Стояла такая красивая, белая, и ветками махала, здороваясь.

-Отлично! -воскликнул Алёша, хотя не имел ни малейшего понятия, как выглядит берёза, которая машет ветками. -Вот это выражение и сохраните. Теперь попробуйте сказать что-нибудь героическое. Например: «За Мелкоземелье! За князя! За урожай!»

Дубыня набрал в грудь воздуха, выпрямился во весь свой немалый рост (чучело коня рядом с ним показалось жеребёнком) и рывкнул так, что с крыши Палаты сорвались два голубя:

-ЗА МЕЛКОЗЕМЕЛЬЕ! ЗА КНЯЗЯ! ЗА БЕРЁЗУ!

Последнее слово он добавил уже по инерции, но вышло так проникновенно, что один из конюхов, стоявших поодаль, смахнул слезу. Алёша растерянно моргнул, но, будучи профессионалом, тут же нашёлся:

-Прекрасно! Эмоционально! Народ это любит. Берёза -это символ. Берёза -это наши корни. Отличный слоган. Оставим.

Теперь настала очередь Василисы. Она, стараясь не встретиться взглядом с Дубыней (от его «берёзы» у неё внутри что-то странно подпрыгнуло), вышла вперёд и встала перед зеркальцем. Стекло блеснуло, и она увидела в нём своё отражение: худенький юноша в помятом кафтане, с растрёпанными волосами и с мечом, который висел на поясе криво и явно тянул вниз. Василиса поправила меч, одёрнула кафтан и попыталась придать лицу то самое выражение, которое

требовал Алёша.

-Улыбаемся, -подсказал Алёша. -Смотрим в зеркальце, но не в упор, а как бы сквозь. Думаем о победе. И говорим что-нибудь бодрое.

Василиса улыбнулась. Улыбка у неё получилась вполне естественная, потому что она вдруг подумала, что если они и правда пойдут к Кощею, то ей наконец представится случай показать, на что она способна. Может быть, даже спасти кого-нибудь. Например, Дубыню. От какой-нибудь опасности. От дракона, скажем, или от падающего сундука.

-Я готов... -начала она и тут же осеклась. Голос, который в обычной жизни был довольно звонким, сейчас, от волнения, сорвался в какой-то совсем уж писклявый регистр и предательски дрогнул. Получилось что-то вроде «Я гото-о-ов», причём последний звук поднялся на пол-октавы вверх и повис в воздухе, как недобитая комариная нота.

В толпе зевак кто-то хихикнул. Василиса залилась краской и, чтобы скрыть смущение, закашлялась, да так старательно, что едва не подавилась.

-Простудился, -просипела она, пытаясь вернуть голос в басовитый регистр. -Всю ночь на сквозняке спал. В коридоре.

-Ничего, бывает, -дипломатично заметил Алёша, который, впрочем, смотрел на неё уже с некоторым подозрением. -Для голоса есть специальные отвары. Попросим у знахаря. А пока давай без речей, просто стой и смотри героически.

Героический взгляд –это когда брови чуть сдвинуты, а подбородок приподнят. Попробуй.

Василиса попробовала. Брови она сдвинула, подбородок приподняла и уставилась в зеркальце с такой свирепостью, что Алёша поспешно отступил на шаг.

-Ну, это уже перебор, -сказал он. -Ты не на врага смотришь, а на зрителя. Зритель должен тебя полюбить, а не бояться. Представь, что перед тобой не зеркальце, а... ну, скажем, котёнок. Маленький пушистый котёнок.

Василиса представила котёнка, и взгляд её невольно смягчился. Алёша удовлетворённо кивнул и повернулся к Фоме.

-А ты чего стоишь, как именинник? Давай, твой черёд.

Фома, в отличие от своих спутников, совершенно не нервничал. Он вообще редко нервничал в ситуациях, которые не грозили ему прямым телесным ущербом. Зеркальце? Подумаешь. Он когда-то целый месяц проработал зазывалой на ярмарке и привык орать на толпу так, что у него потом звенело в ушах. Какая-то там Сказ-сеть его не пугала.

Он вышел вперёд, поправил шапку с бубенчиками, одёрнул малиновый кафтан и встал перед зеркальцем в позу, которую сам про себя называл «купец первой гильдии»: одна нога чуть вперёд, рука на поясе, подбородок задран, взгляд прямой и чуть насмешливый.

-Жители Мелкоземелья! -начал он звучным, хорошо поставленным голосом, совершенно не похожим на тот, которым он обычно разговаривал. -С вами говорит Великий по-

сол, направляющийся с ответственной миссией в царство Кощея Бессмертного. Миссия наша благородна: вернуть Рог Изобилия и восстановить справедливость. Враг коварен, но мы сильны духом, крепки телом и, -тут он сделал многозначительную паузу, -крайне убедительны в переговорах. Я обещаю вам, что приложу все усилия, дабы Мелкоземелье вновь обрело своё благоденствие. А если враг не поймёт языка дипломатии, -он выразительно похлопал по рукояти меча, который ему ещё даже не выдали, -мы напомним ему, что в Мелкоземелье умеют не только говорить, но и действовать.

Последнюю фразу он произнёс с таким артистичным прищуром, что даже Алёша, выдавший на своём веку немало позёров, заплодировал. Конюхи и дружинники, поддавшиеся обаянию момента, тоже захлопали. Один из писцов, который стенографировал брифинг на бересте, записал последнюю фразу, дважды её подчеркнул и на полях приписал: «Оч. хор. Оставить для летописи».

-Ну вот, -сказал Алёша, отключая зеркальце (он специально сделал вид, что трансляция уже идёт, хотя на самом деле просто записывал пробный выпуск), -это уже похоже на правду. Один из вас, по крайней мере, родился для публичности. Остальных подтянем. Теперь переходим к занятию второму: «Как сидеть на коне и не выглядеть при этом мешком с репой».

Дубыня, услышав про коня, вздрогнул. Он, при всей своей богатырской комплекции, лошадей откровенно побаивался.

Дело было не в том, что лошади его не выдерживали (выдерживали, и даже очень), а в том, что он никак не мог найти с ними общий язык. Лошади, существа по природе своей нервные и впечатлительные, при виде Дубыни почему-то начинали шарахаться. Один раз он попытался погладить кобылу по морде, и та так испугалась, что перепрыгнула через изгородь и убежала в лес, где её потом три дня искали. С тех пор Дубыня предпочитал передвигаться пешком, а если нужно было везти поклажу, то таскал её на себе, благо сил хватало.

-Может, я пешком? -робко предложил он. -У меня спина с утра ноет. Гороскоп, который я сам себе составил по звёздам, говорит, что сегодня Весы не рекомендуют садиться в седло. Особенно в первой половине дня.

-Какой ещё гороскоп? -не понял Алёша. -Ты что, по звёздам гадаешь?

-Не гадаю, а прогнозирую, -с достоинством ответил Дубыня. -Я в лесу долго жил, звёзды хорошо видно. Я заметил, что когда Большая Медведица стоит хвостом к востоку, а Малая -к западу, то людям с широкой костью лучше не ездить верхом. А у меня кость именно широкая. Даже очень.

Алёша вздохнул. Спорить с человеком, который апеллирует к расположению светил, было бесполезно. Но и отпускать Дубыню пешком он не мог: какой же из него тогда герой в глазах зрителей? Герои должны скакать, а не топать.

-Ладно, -сказал он примирительно. -Давай хотя бы посиди

на чучеле. Это не лошадь, это просто деревяшка. Зато я покажу, как правильно держаться в кадре, когда ты на коне. А настоящего коня подберём тебе потом, какого-нибудь флегматичного, чтобы не шарахался.

Дубыня неохотно подошёл к деревянному чучелу, осторожно, словно оно могло укусить, взобрался на него и замер, вцепившись в деревянную гриву. Чучело жалобно скрипнуло, но выдержало. Алёша обошёл его кругом, поправил попону и остался доволен.

-Смотрится внушительно, -сказал он. -Только не надо так крепко держаться за гриву. Ты не за гриву держись, а за поводья. Поводья -это символ управления. Богатырь должен управлять конём, а не наоборот.

-А у этого коня нет поводьев, -заметил Дубыня.

-У этого нет, -согласился Алёша. -Но для кадра это неважно. Главное -жест. Сделай вид, что держишь поводья. И улыбнись.

Дубыня послушно сделал вид, что держит невидимые поводья, и растянул рот в уже знакомой полуулыбке-полугримасе. Василиса, наблюдавшая за ним со стороны, вдруг прыснула и тут же закашлялась, делая вид, что опять простужена. На самом деле ей просто показалось ужасно смешным, что огромный Дубыня сидит на деревянном коне, как ребёнок на игрушечной лошадке, и старательно улыбается.

Фома тем временем, воспользовавшись паузой, отозвал Алёшу в сторонку.

-Слушай, -сказал он вполголоса, -насчёт грамоты. Ты обещал. Мне бы её сейчас, до отъезда. Чтобы всё по форме.

-Боишься, что передумаю? -усмехнулся Алёша.

-Боюсь, что без грамоты я не посол, а так, частное лицо, -честно объяснил Фома. -А частному лицу с Кощеем разговаривать не о чем. Частное лицо он просто съест. Или превратит в камень. Или в лягушку. Я, знаешь ли, не хочу быть лягушкой. Мне малиновый цвет к лицу, а у лягушек цвет какой-то невыразительный.

Алёша кивнул и, кликнув писца, велел тому немедленно составить грамоту о назначении Фомы Забубенного Великим послом Мелкоземелья «со всеми вытекающими полномочиями, привилегиями и правом на внеочередной приём у князя по возвращении». Писец с бородавкой, который давеча так высоко оценил ораторские способности Фомы, с готовностью застрочил по бересте, и Алёша отправился к Илье Муромцу ставить печать.

Илья, когда ему принесли грамоту, долго вертел её в руках, хмурился и что-то ворчал про то, что «послов из балаганных зазывал не делают» и что «в его время за такие шутки сажали на кол». Но, с другой стороны, форма номер семь была наконец принята, настроение у Ильи было сносное, а главное -ему очень хотелось, чтобы троица поскорее отправилась в путь и перестала путаться под ногами. Поэтому он махнул рукой, приложил печать и буркнул: «Пусть подавится».

С грамотой за пазухой Фома почувствовал себя значительно увереннее. Теперь он был не просто проходимцем, а проходимцем с документом, а это, как известно, две большие разницы. Он ещё раз покосился на деревянного коня, на котором всё ещё сидел Дубыня (Алёша как раз учил его «правильной посадке при торжественном въезде в город»), и подумал, что в конце концов миссия к Кощею может оказаться не такой уж губительной. Главное -вовремя сообразить, когда пора поворачивать оглобли, а до того момента пользоваться всеми благами посольского статуса.

Василиса, которая больше не могла смотреть на мучения Дубыни, подошла к чучелу и тихо сказала:

-Может, мне попробовать? Я на коне умею. То есть, -спохватилась она, -учился. Немного.

Алёша пожал плечами: пробуй, мол. Василиса легко, одним движением, взлетела на чучело и села так ловко, что даже бывалые конюхи одобрительно загудели. Дубыня посмотрел на неё с уважением и чуть-чуть с завистью.

-Вот это посадка, -сказал Алёша, поднимая зеркальце. -А ну-ка, повтори для кадра. И постарайся не кашлять.

Василиса выпрямилась, взяла воображаемые поводья и посмотрела в зеркальце. На этот раз взгляд у неё получился и не свирепый, и не растерянный, а какой-то очень сосредоточенный, с той самой искрой, которую Алёша называл «огонь героизма». Алёша нажал на запись и подумал, что из этого мелкого, пожалуй, выйдет толк. Если, конечно, он переста-

нет краснеть и пищать.

Брифинг продолжался до полудня. Алёша заставлял их репетировать приветствия, прощаться с воображаемой публикой, принимать подарки от воображаемых благодарных жителей и даже раздавать автографы на берестяных табличках (Дубыня вместо подписи ставил крестик, Фома -замысловатую закорючку, а Василиса так стеснялась своего почерка, что вовсе отказалась, сказавшись на больную руку). К концу занятий все трое едва держались на ногах, а Алёша, напротив, был полон энергии и уже обдумывал следующий выпуск.

-Завтра выступаете в поход, -сказал он, прощаясь. -Кони будут готовы, провиант собран. Я выезжаю с вами до околицы, чтобы снять для Сказ-сетей прощальный репортаж. Прошу быть в форме и помнить всё, чему я вас учил. И главное - улыбайтесь. Что бы ни случилось, улыбайтесь. Даже если вас будут есть.

-А если нас и правда будут есть? -мрачно спросил Дубыня.

-Тогда тем более, -ответил Алёша. -Представьте заголовок: «Богатыри Мелкоземелья улыбаются в пасти дракона». Это же сенсация.

С этими словами он удалился, оставив троих стоять посреди опустевшего двора. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени от чучела коня, от пялец и от трёх усталых фигур тянулись по земле, пересекаясь и путаясь.

Где-то вдалеке, в лесу, ветер шевелил листву, и берёза, с

которой Дубыня разговаривал на опушке, тихонько скрипела, желая им удачи. А может, просто жаловалась на дровосеков -кто ж её разберёт.

Глава пятая. Царевна Забава и её секретный подвал, или Как из сокола получился почтальон

В тереме царевны Забавы Путятишны пахло сушёными вишнями и воском. Пахло, надо сказать, очень уютно, по-домашнему, но сама царевна находила этот запах ужасно скучным. Сушёные вишни ей надоели ещё в детстве, когда нянька пичкала её компотами и приговаривала, что от вишнёвого отвара у девицы будут румяные щёки. Щёки у Забавы действительно были румяные, но это, как она справедливо полагала, происходило не столько от вишен, сколько от частого лазания по подвалам, где она устроила себе мастерскую. А воск пахнул от свечей, которые горели в тереме почти круглые сутки, потому что князь Владимир, папá царевны, считал, что хорошее освещение отгоняет дурные мысли. Дурные мысли, однако, отгонялись плохо, а вот моль от восковых свечей и впрямь держалась подальше, так что шубы в тереме были в полной сохранности.

Забава сидела у окна, подперев щёку кулачком, и смотрела на двор. Вид из окошка открывался такой, что любая другая девица на её месте уже давно бы размечталась о жёнихах и дальних странах, но Забава думала о другом. Она думала о том, почему до сих пор никто не изобрёл, скажем,

самопишущее перо или, на худой конец, такое устройство, которое могло бы подслушивать разговоры бояр в соседней палате и передавать их прямо сюда, на подоконник. Бояре, как она успела заметить за семнадцать лет жизни во дворце, постоянно шептались о чём-то интересном, но стоило царевне появиться поблизости, как они сразу замолкали и начинали обсуждать погоду. Погода в Мелкоземелье была самая обыкновенная -то солнце, то дождь, -и обсуждать её было решительно нечего. Из этого Забава сделала вывод, что бояре темнят, и темнят они нарочно.

Сзади послышалось шлёпанье мягких туфель. Это шла Фёкла, служанка, девица лет двадцати пяти с круглым и добрым лицом, что на него хотелось повесить картину и назвать «Утро в деревне». Фёкла была особой чрезвычайно любопытной, но при этом ужасно боязливой, и эти два качества постоянно боролись в ней с переменным успехом. Сейчас, судя по блеску в глазах, побеждало любопытство.

-Царевна-матушка, -зашептала Фёкла, подбегая к окну и чуть не опрокинув горшок с фиалкой, -там во дворец трёх новых богатырей привели. Говорят, к Кощею пойдут, Рог вызывать.

-Трёх? -Забава оторвалась от подоконника и повернулась к служанке. -Откуда взялись?

-А никто толком не знает, -Фёкла понизила голос до заговорщицкого шёпота, хотя в тереме никого, кроме них, не было. -Говорят, их Трое из Ларца притащили. Прямо за шиворот. Один, рассказывают, в малиновом кафтане и весь в бубенчиках, другой -здоровенный, как сарай, а третий -молоденький совсем, мальчик-оруженосец. С собой, говорят, хорошенький, только ростом не вышел и голос у него писклявый, будто у цыплёнка.

Царевна оживилась. Слово «хорошенький» задело в ней какую-то струнку, о существовании которой она догадывалась, но которую старалась без надобности не трогать.

-А что за мальчик? -спросила она как можно равнодушно. -Как зовут?

-Васей кличут, -доложила Фёкла, чрезвычайно довольная тем, что ей есть что докладывать. -Или Василием, я не разобрала. Стоял в уголочке, весь красный, и на того здорового тарасился, будто тот ему родной дядя.

Забава поднялась со скамеечки и прошлась по светлице. Мысли её прыгали, как кузнечики. Три новых богатыря, один -юный и хорошенький. К Кощею идут. Это же целое приключение, а ей, как всегда, сидеть в тереме и вышивать крестиком? Нет уж, решила она, хватит. Если нельзя поехать самой (а князь, разумеется, не пустит), то нужно хотя бы разузнать, что это за люди и можно ли им доверять. Доверять в Мелкоземелье вообще мало кому следовало, а уж незнакомым богатырям в малиновых кафтанах, тем более.

-Фёкла, -сказала она, остановившись, -принеси мой инструмент. Тот, что в синем ларце.

Фёкла побледнела. Синий ларец означал, что царевна собирается спуститься в подвал, а подвала этого Фёкла боялась до дрожи в коленках. Там, в подвале, стояли какие-то железные штуки, пахло кислым, и временами что-то булькало. Один раз оттуда повалил дым, и князь сказал, что если ещё раз повалит, то он разберёт подвал по кирпичику. Подвал, однако, не поддался, потому что был сложен на совесть, а царевна пообещала, что дыма больше не будет, и слово своё сдержала. Вместо дыма теперь там иногда вспыхивали ис-

кры, что, по мнению Фёклы, было не лучше.

-Может, не надо, царевна? -жалобно спросила она. -Может, я лучше из окна посмотрю? У меня зрение хорошее, я всё разгляжу.

-Из окна ты разглядишь только голубятню, -отрезала Забава. -Неси ларец.

Через пять минут царевна уже спускалась по узкой винтовой лестнице в подвал, который сама она гордо именovala «лабораторией», а Фёкла, следовавшая за ней с ларцом в руках, называла про себя «погибелью». В подвале царил полумрак, который не переходил в темень только благодаря свету трёх масляных ламп, расставленных по углам. Посередине стоял большой дубовый стол, заваленный инструментами, медными пластинками, мотками проволоки и какими-то склянками с разноцветными жидкостями. У стены притулился небольшой горн, а рядом с ним механические клещи, которые царевна смастерила сама и которые умели зажимать детали без помощи рук.

Забава зажгла ещё одну лампу и склонилась над столом. На столе лежало её главное детище -механический сокол. Вернее, пока ещё не сокол, а только его каркас: медные рёбра, обтянутые тонкой кожей, шарнирные крылья и голова с глазами-бусинами, которые в темноте слабо светились. Сокол был собран почти полностью, не хватало только перьев на хвосте и одного важного механизма -устройства записи. Забава давно билась над тем, чтобы создать такое устрой-

ство, которое могло бы передавать изображение на расстояние, и вот, кажется, нашла решение. Она взяла с полки маленький кристалл мутно-голубого цвета, который ей подарил один заезжий маг в обмен на чертёж самоходной тележки (маг, правда, тележку так и не собрал, потому что перепутал шестерёнки, но кристалл оставил). Кристалл этот, если его правильно огласить, мог записывать то, что видит, и передавать на другой такой же кристалл. Второй кристалл как раз лежал в ларце, и Забава теперь намеревалась вставить его в приёмник-небольшую шкатулку с окошечком, которую она называла «зрилкой».

-Свети сюда, -скомандовала она Фёкле, которая жалась у дверей и вздрагивала от каждого шороха.

Фёкла подошла, держа лампу на вытянутой руке, и зажмурилась на всякий случай. Царевна, высунув от усердия кончик языка, принялась закреплять кристалл в глазнице сокола. Дело было тонкое: кристалл нужно было повернуть ровно на такой угол, чтобы изображение не выходило перевёрнутым. В прошлый раз, когда она испытывала кошку-автомат, та передала изображение вверх ногами, и царевна потом целый вечер ходила с головокружением, потому что всё видела задом наперёд. Сейчас она учла ошибку и сделала специальную метку на кристалле -маленькую царапину в виде звёздочки.

-Готово, -объявила она, выпрямляясь. -Теперь испытаем. Отойди подальше, а то ещё засветишь изображение.

Фёкла отскочила к лестнице, прикрыв лицо фартуком. Забава нажала на потайной рычажок под крылом сокола, и механизм ожил. Крылья дёрнулись, глаза-бусины вспыхнули ярче, и внутри что-то тоненько зажужжало. Сокол приподнял голову, покрутил ею и замер, глядя прямо на царевну.

-Ну, здравствуй, -сказала Забава. -Давай-ка поглядим, что ты умеешь.

Она взяла со стола приёмную шкатулку, открыла крышку и заглянула в окошечко. Там, на маленьком матовом экране, появилось изображение: её собственное лицо, чуть зеленоватое (кристалл, видимо, ещё не прогрелся), но вполне различимое. Сокол смотрел на неё и передавал картинку. Это был успех, и немалый.

-А теперь лети, -сказала царевна и легонько подтолкнула сокола к окошку под потолком, которое выходило прямо на задний двор.

Сокол, чуть покачиваясь, поднялся на крыло, стукнулся головой о притолоку (Забава поморщилась -она забыла смазать шарнир на шее), выровнялся и выскользнул в окно. В подвале стало тихо, только жужжание в шкатулке показывало, что передача идёт.

Фёкла, переборов страх, подошла поближе и заглянула царевне через плечо. На экране проплывали облака, верхушки яблонь и кусок княжеской голубятни. Потом сокол спикировал вниз, и в кадр попала часть двора, где как раз толпились какие-то люди.

- Вот они, -прошептала Фёкла, тыча пальцем в экран. -
Гляди, царевна, это те самые богатыри!

Забава пригляделась. На экране, покачиваясь (сокол, видимо, силился удержаться на ветру), были видны три фигуры. Первая -малиновое пятно с бубенчиками. Вторая -нечто огромное, занимающее полкадра. Третья -маленькая фигурка в простом кафтане, с мечом на боку, который висел криво, и с растрёпанными волосами, выбивавшимися из-под шлема. Сокол, повинуясь мысленному приказу царевны (хотя никакого мысленного приказа не было, просто Забава очень сильно этого хотела), подлетел поближе и уселся на ветку прямо над головами богатырей.

И тут случилось то, чего Забава не ожидала. Мелкий богатырь, тот самый «оруженосец Вася», стянул с головы шлем, чтобы вытереть лоб, и по плечам его рассыпались волосы. Они были светлые, чуть выющиеся и совершенно не мальчишеские. «Вася» встряхнул головой, заправил прядь за ухо, и на экране мелькнуло лицо -тонкое, с мягкими чертами, с чуть вздёрнутым носом и ресницами, которым позавидовала бы любая княжна. Потом «Вася» быстро нахлобучил шлем обратно и оглянулся, не видел ли кто.

Но сокол видел. И Забава видела. И Фёкла, приоткрыв рот, тоже видела.

- Это ж девка, -выдохнула Фёкла. -Царевна, это ж перелетевшая девка!

Забава молчала. В голове у неё происходила сложная ра-

бота. С одной стороны, она была возмущена: какой обман! В богатыри записалась девушка, притворяется мужчиной, ходит с мечом. С другой стороны... с другой стороны, может это просто холеный юноша и они ошибаются, и царевна вдруг почувствовала что-то вроде восхищения. Этот неизвестный, кем бы он ни был, не побоялась пойти против правил, надеть мужской кафтан и отправиться в опасный поход. И ещё, отметила Забава, он очень ловко сидит на коне, пусть и на деревянном. И волосы у него красивые. И вообще.

- Царевна, -Фёкла теребила её за рукав, -надо доложить князю! Обман!

- Молчи, -отрезала Забава. -Никому ни слова. Слышишь? Это приказ. Мы же доподлинно не знаем.

Фёкла обиженно засопела, но перечить не стала. Забава же, не отрываясь, смотрела на экран. Сокол тем временем перелетел на другую ветку, и теперь в кадр попал огромный богатырь с пятами. Он что-то вышивал, склонив голову набок, а «Вася» стоял рядом и смотрел на него так, как смотрят только на что-то очень дорогое и недоступное. Этот взгляд Забава распознала мгновенно, потому что сама никогда ни на кого так не смотрела, но в книжках читала.

«Она в него влюблена, -догадалась Забава. -В этого большого, который вышивает. Влюблена и молчит, потому что он думает, что она мальчик».

Ситуация показалась царевне одновременно и трагической, и страшно интересной. А главное -ужасно романтич-

ной. Забава была воспитана на былинах и сказках, где прекрасные девицы переодевались в мужское платье, чтобы следовать за возлюбленными, и все эти истории всегда заканчивались хорошо. Правда, в тех историях возлюбленными были рыцари и королевичи, а тут -лесной отшельник с пядьцами, но какая разница? Любовь есть любовь.

И ещё кое-что: Забава вдруг поймала себя на мысли, что «оруженосец Вася» нравится ей самой. Не просто как объект наблюдения, а как-то иначе. Уж очень у него было славное лицо, когда она сняла шлем. И этот решительный подбородок. И то, как она схватилась за меч, когда Алёша Попович велел ей показать посадку на коне.

-Фёкла, -сказала Забава, не оборачиваясь, -принеси бересту и писало. Я буду диктовать.

Фёкла, ничего не понимая, принесла. Забава продиктовала:

«Отроку-оруженосцу Василию лично в руки. От неизвестного друга».

-Почему «неизвестного»? -удивилась Фёкла. -Вы ж царица, чай.

-Потому что неизвестный друг -это загадочно, -пояснила Забава. -Так в книжках пишут. Пиши дальше: «Видела я твою удадь и отвагу, и сердце моё пленилось. Хоть и не назову тебе имени своего, знай: есть в Мелкоземелье та, что отныне будет молиться о твоём благополучном возвращении. А чтоб ты не думал, что письмо это -шутка, прилагаю к нему

амулет. Носи его у сердца, и он отведёт от тебя стрелу, а также от несварения желудка, потому что амулет двойного действия».

-Какой амулет? -шёпотом спросила Фёкла. -У вас же нет никакого амулета.

-Будет, -сказала Забава и полезла в ларец. Там, среди гаек и пружинок, лежала маленькая серебряная подвеска в виде сокола -пробный образец, который она сделала на прошлой неделе, но забраковала, потому что у сокола одно крыло вышло короче другого. Но для амулета это было неважно. А от несварения желудка серебро, как известно, помогает, особенно если в него верить.

Она вложила подвеску в берестяной свёрток, запечатала воском и привязала к лапке механического сокола, который к тому времени вернулся и теперь сидел на подоконнике, тихонько жужжа.

-Лети, -сказала Забава соколу. -Найди оруженосца Васю и передай письмо. И смотри, чтобы никто не заметил. Ты -сокол-шпион, а не почтовый голубь, веди себя достойно.

Сокол, кажется, понял. Он склонил голову набок (шарнир на шее предательски скрипнул), взмахнул крыльями и снова выпорхнул в окно. На этот раз он не стал кружить над голубятней, а сразу взял курс на двор Богатырской Палаты, где трое героев как раз заканчивали свой брифинг.

Фёкла проводила сокола взглядом и перекрестилась.

-Ох, чует моё сердце, царевна, добром это не кончится.

-Мне очень любопытно, -возразила Забава и тут же покраснела. - Может это все-таки юноша. Просто... ну, интересно же. Кроме того, если она переодетая, значит, у неё есть тайна. А у кого есть тайна, тот вдвойне интересен.

-А если тот большой, с пальцами, на ней женится? -не унималась Фёкла. -Что тогда вы делать будете?

Забава задумалась. Этот вариант ей пока не приходил в голову. Но, будучи девицей практичной, она быстро на-

шласть:

-Тогда я стану их свахой. Или подружкой невесты. Или... в общем, посмотрим. Всё равно сначала надо, чтобы они Рог вернули. А то без Рога никакой свадьбы не будет, потому что народ на пиру кормить нечем.

Фёкла вздохнула и отправилась наверх -греть воду для вечернего чая. Забава осталась в подвале одна. Она села на скамеечку, взяла «зрилку» и долго ещё пересматривала запись, которую сокол успел сделать. Особенно тот момент, когда «оруженосец Вася» снял шлем и поправил волосы. Царевна ставила запись на паузу (для этого нужно было нажать на кристалл пальцем, и изображение замирало, чуть подрагивая) и разглядывала лицо незнакомца. Да, сомнений больше не было: это девушка. Причём, судя по осанке и тому, как она держалась, -из хорошего рода. Но зачем она сбежала из дома? Зачем надела мужской кафтан? Что за тайна у неё?

Вопросов было много, ответов -ни одного. Забава решила, что завтра непременно напишет ещё одно письмо. На этот раз, может быть, в стихах. Она смутно помнила, как складывать рифмы, -их учили этому ещё в детстве, когда выписывали из Царьграда учёного монаха. Правда, монах сбежал через месяц, не выдержав характера царевны, но основы стихосложения оставить успел.

Она взяла ту же бересту, на которой Фёкла записала первое послание, и на обороте набросала:

«Твой лик, как месяц молодой,

Сразил меня своей красой.
Пусть ты не рыцарь, не герой,
А только отрок с бородой...»

Тут она зачеркнула «с бородой», потому что никакой бороды у «Васи» не было и в помине. Подумала и исправила: «...А только отрок с острой шпагой, Ты мне дороже целой Праги».

Рифма была сомнительная («шпагой -Праги»), но, во-первых, Забава никогда не бывала в Праге и имела о ней самое приблизительное представление, а во-вторых, любовные стихи, как она считала, не обязаны подчиняться строгим правилам. Главное -чувство.

Она переписала стихи на чистый кусок бересты и спрятала в ларец, чтобы завтра отправить с соколом. А потом, вздохнув, поднялась в терем, где её уже ждал ужин и нравоучения няньки.

На дворе тем временем стемнело. Механический сокол, покружив над Богатырской Палатой и убедившись, что оруженосец Вася один (он, то есть она, сидел на скамье у крыльца и разглядывал звёзды), бесшумно спикировал вниз и положил свёрток прямо на колени Василисе. Та вздрогнула, схватилась за меч, но, увидев, что перед ней всего лишь диковинная механическая птица с письмом в когтях, замерла от изумления. Сокол, исполнив поручение, взмыл в воздух и растворился в сумерках, оставив после себя лёгкое жужжание и запах нагретой меди.

Василиса развернула бересту, прочитала и покраснела до корней волос. Потом ещё раз прочитала, уже медленнее, и прижала амулет к груди. Сердце её колотилось. Кто мог написать такое? Кто узнал её тайну? И, главное, кому она успела понравиться? Она оглянулась на окно Богатырской Палаты, где горел свет, и ей показалось, что за занавеской мелькнула какая-то тень. Может, показалось, а может, и нет. В Мелкоземелье вообще никогда не знаешь наверняка.

А в тереме, глядя в ту же темноту, улыбалась царевна Забава. Она ещё не знала, что её письмо положит начало целой цепочке недоразумений, погонь и смешных ошибок. Но даже если бы знала, вряд ли бы расстроилась. В конце концов, гораздо веселее, когда в истории всё запутывается до невозможности, а потом распутывается само собой, да ещё и самым неожиданным образом. Как в хорошей сказке. Или в плохой, но зато смешной.

Глава шестая. Первый подвиг: Соловей-Разбойник и его связки, или Как тенор без лицензии чуть не сорвал экспедицию

Выезд был назначен на раннее утро, потому что, как справедливо рассудил Илья Муромец, если уж богатыри отправляются на опасное дело, то лучше им выезжать затемно, пока враги спят и не ждут. Кроме того, утренняя прохлада, по мнению Ильи, проясняет мысли и бодрит тело, а бодрое тело -это половина успеха. Вторая половина успеха, как он часто говаривал на совещаниях, заключается в правильно заполненных документах, но эту мудрость он решил пока оставить при себе, потому что новые богатыри и без того выглядели настороженно и неуверенно.

У конюшен Богатырской Палаты царила предотъездная суета, которая, впрочем, напоминала скорее переполох в курятнике, чем военные сборы. Конюхи бегали с попонами, писцы сверяли списки провианта (в списке значилось: «крупя гречневая -три мешка, сухари -мешок, сало -полпуда, соль -две горсти, а также одна банка мази от лысины, изъятая у мошенника Фомы в качестве вещественного доказательства»), а Алёша Попович со своим зеркальцем носился

между лошадьми, пытаясь выбрать наилучший ракурс для прощального репортажа. Лошади шарахались от блестящего стекла, конюхи ругались, а Алёша только приговаривал: «Терпите, это для истории».

Дубыня стоял чуть поодаль, у крыльца, и с тоской смотрел на трёх коней, которых уже вывели из стойла. Кони были подобраны с учётом комплекции седоков: для Фомы - невысокий гнедой мерин с хитрым прищуром, словно конь тоже когда-то промышлял на ярмарке и знал, почём нынче овёс; для Василисы - тонконогая серая кобылка с кротким выражением морды, которая при виде Дубыни почему-то попятилась и начала мелко дрожать; а для самого Дубыни - огромный, мохноногий, задумчивый битюг по кличке Увалень, который, как объяснил главный конюх, «не лягается, не кусается и вообще редко просыпается, так что вы с ним поладите». Увалень действительно стоял с таким видом, будто его только что подняли с постели и он ещё не решил, стоит ли по такому поводу открывать глаза полностью.

-Ты как, в порядке? -спросила Василиса, подходя к Дубыне и стараясь, чтобы голос звучал по-мужски грубовато. Получалось не очень, но Дубыня, к счастью, был слишком занят изучением Увальня и не заметил.

-Да я-то в порядке, -вздохнул Дубыня. -А вот конь, кажется, нет. Смотри, у него левое ухо дёргается. Это, между прочим, признак нервного расстройства. Я читал. В лесу у меня была книга по коневодству, правда, на древнегреческом, но

там были картинки.

-Ты читаешь по-древнегречески? -удивилась Василиса.

-Нет, -честно признался Дубыня. -Но картинки были очень подробные. На одной из них как раз была лошадь с дѣргающимся ухом, и подпись гласила: «Сія лошадь нервна и склонна къ истерикамъ». Увалень, правда, на истерику не похож, но кто его знает.

В этот момент к ним подошёл Фома, который уже успел взобраться на своего гнедого и теперь сидел в седле, надменно поглядывая на окружающих. На нём по-прежнему был малиновый кафтан, но бубенчики с шапки он предусмотрительно снял, потому что в дороге они будут только привлекать внимание, а внимание Фома любил привлекать только в тех случаях, когда это сулило выгоду. Вместо бубенчиков он прицепил к шапке маленький серебряный колокольчик, который, по его словам, был «посольским знаком отличия». На самом деле колокольчик он стащил вчера с дуги чьей-то упряжки, но признаваться в этом, разумеется, не собирался.

-Ну что, друзья мои, -провозгласил он, поправляя на поясе грамоту Великого посла (он велел писцу сделать для неё специальный кожаный футляр, чтобы не помялась), -в путь-дорогу. Нас ждут великие дела, а великие дела, как известно, не любят опозданий.

-А куда мы, собственно, едем? -спросил Дубыня, с опаской приближаясь к Увальню. Конь, почувствовав рядом с собой человека, приоткрыл один глаз, внимательно осмотрел

Дубыню и, видимо, решив, что бояться нечего, снова задремал.

-К Кощею, -сказал Фома таким тоном, будто речь шла о поездке на соседний луг за щавелём. -Но сначала пройдем через весь лес, потом через Молочную реку, потом через земли Змея Горыныча, а там и до замка рукой подать.

-Рукой подать, -повторил Дубыня и посмотрел на свою руку, которая была размером с небольшую дубину. -Если моей рукой подать, то, может, и вправду недалеко. А если чьей-нибудь другой...

Он не договорил, потому что Увалень внезапно зевнул с таким грохотом, что с ближайшей яблони посыпались яблоки. Одно из них попало прямо в лоб Алёше Поповичу, который как раз настраивал зеркальце. Алёша, будучи профессионалом, даже не поморщился, только пробормотал: «Отлично, яблоко -символ плодородия, оставим в кадре».

Наконец, после долгих сборов, прощальных напутствий и последнего наставления от Ильи Муромца («Ежели что, сразу шлите вестника, а ещё лучше -заполняйте форму семь дробь пять, она как раз для таких случаев»), троица выехала за ворота Богатырской Палаты. Впереди на гнедом мерине ехал Фома, сзади на серой кобылке -Василиса, а замыкал процессию Дубыня на Увальне, который наконец-то проснулся и теперь шёл таким медленным шагом, что за ними увязалась утка с выводком утят. Утята, впрочем, быстро отстали, потому что Увалень, хоть и был медлителен, делал

шаги длиной в полтора аршина каждый.

Городские ворота остались позади, и дорога потянулась через предместье, где в это утро было тихо и пустынно, только одинокая старуха вешала на забор мокрое бельё. Увидев богатырей, она перекрестилась и крикнула:

-Спаси вас Велес, сынки! А ежели Кощея увидите, передайте, что я ему ещё за прошлый год козу не простила!

-Передадим, -пообещал Фома, хотя понятия не имел, о какой козе идёт речь.

За предместьем начался лес. Вернее, не совсем лес, а так, редколесье, где деревья стояли на почтительном расстоянии друг от друга, словно стеснялись собственной корявости. Солнце только-только поднялось над верхушками, и косые лучи пробивались сквозь листву, рисуя на земле золотые пятна. Дорога была песчаная, укатанная, и Увалень на ней пошёл чуть веселее, хотя всё равно с таким видом, будто исполнял большое одолжение.

Василиса ехала молча, поглядывая то на спину Дубыни, то на амулет, который висел у неё на груди. Амулет грел кожу сквозь рубаху, и это было странно, потому что серебро обычно холодное. Она думала о таинственном незнакомце, который прислал ей письмо. Хотя почерк был явно женский, и стихи, хотя и корявые, выдавали девичью руку. «Кто же это? -гадала Василиса. -Может, царевич? Но царевич не мог меня видеть, я всё время был в шлеме. Разве что...» Она вспомнила, как вчера снимала шлем во дворе и поправляла волосы.

Неужели кто-то подглядел? Сердце её сжалось от страха и странного, непонятного волнения.

Фома, напротив, был весел и даже что-то мурлыкал себе под нос. Дела его шли прекрасно: он был не просто беглецом от кредиторов, а Великим послом с грамотой за пазухой, и впереди маячило приключение, из которого, если правильно разыграть карты, можно выйти с немалой прибылью. Правда, Кощей представлял некоторую проблему, но Фома справедливо рассуждал, что если уж он сумел продать князю мазь из гусяного жира, то и с Бессмертным как-нибудь договорится.

Так они проехали около часа. Лес постепенно густел, деревья подступали всё ближе к дороге, и скоро вокруг стало сумрачно, хотя солнце ещё стояло высоко. Дорога сузилась, и теперь лошадям приходилось идти гуськом. Фома, ехавший первым, вдруг заметил впереди что-то странное: поперёк дороги, на высоте человеческого роста, была натянута тонкая, почти невидимая верёвка. К верёвке была привязана берестяная табличка с надписью, сделанной крупными, но какими-то дёргаными буквами.

-Стойте, -сказал Фома, осаживая коня. -Тут что-то написано.

Дубыня и Василиса подъехали ближе. Табличка гласила: «Трактъ перекрыть. Проходъ и проездъ воспрещонъ безъ спеціальной лиценціи, выдаваемой лично мною, Соловьёмъ-Разбойникомъ. Нарушители будутъ обсвистаны и оштрафованы. Такса за проходъ -три золотыхъ съ рыла, съ клюва -

пять, а съ сундука -по договорённости».

-Соловей-Разбойник, -прошептал Дубыня и почему-то начал теребить пальцами гриву Увальня. -Я про него слышал. Он свистит так, что деревья гнутся. У меня, наверное, уши заболят. У меня, знаете ли, уши очень чувствительные. Один раз в лесу филин ухнул, и я три дня плохо слышал на левое ухо.

-Не дрейфь, -сказал Фома, хотя сам слегка побледнел. -Свистит, значит, лёгкие здоровые. А раз лёгкие здоровые, то и договориться можно. Я, если хочешь знать, один раз продал пару сапог самому Лешему, и ничего, остался жив и даже с прибылью.

-А Леший-то тут при чём? -спросила Василиса, которая никогда не слышала, чтобы Леший носил сапоги.

-При том, -ответил Фома, не уточняя, -что с каждым можно найти общий язык, было бы желание. И деньги. Или хотя бы обещание денег.

Не успел он закончить, как откуда-то сверху, с высокой сосны, раздался звук. Он был похож одновременно на скрип несмазанного колеса, на крик разбуженного среди зимы петуха и на звук, который издаёт чайник, когда из него выкипает вся вода, а он всё ещё стоит на огне. Это был свист. Но какой!

Свист этот начался низко, почти на грани слышимости, так что у Дубыни сразу зачесалось в ушах, потом поднялся на октаву выше, и у Фомы зашевелились волосы под шапкой,

потом взлетел до такой пронзительной ноты, что Увалень, до того мирно дремавший на ходу, внезапно подпрыгнул на месте и издал звук, больше всего напоминающий икание бегемота. Серая кобылка под Василисой захрапела и попятилась. Гнедой мерин Фома присел на задние ноги, и Фома едва не вылетел из седла, но успел схватиться за гриву, за что конь немедленно укусил его за рукав.

-Эй! -закричал Фома, обращаясь к сосне. -Полегче! У нас тут дипломатическая миссия!

Свист оборвался, и на нижнюю ветку сосны, свесив ноги, уселся человек. Впрочем, человеком его можно было назвать лишь условно. Росту он был небольшого, но какой-то весь скрюченный, словно его долго держали в свёрнутом виде, а потом забыли распрямить. Одет он был в длинный балахон серо-зелёного цвета, который волочился по веткам и был весь в репейниках. На голове красовалась шапка, напоминающая опрокинутое гнездо, из которой торчали во все стороны птичьи перья -не столько для красоты, сколько, видимо, для маскировки. Лицо у него было узкое, с длинным носом и маленькими, близко посаженными глазами, которые смотрели на мир с выражением вечной обиды. В руках он держал берестяной свиток, свёрнутый в трубочку.

-Кто такие? -спросил Соловей-Разбойник голосом, который на удивление не соответствовал его свисту: тихим, сиплым. -Почему без лицензии? Нарушаем, стало быть, установленный порядок.

Фома оправил кафтан и принял самый важный вид, на какой был способен. Он привстал в стрелы и, указывая на свой колокольчик, сказал:

-Перед вами, милостивый государь, Великий посол Мелкоземелья, направляющийся с чрезвычайной миссией к самому Кощею Бессмертному. Имею при себе грамоту за подписью главы Богатырской Палаты. А посему требую беспрепятственного пропуска, ибо послы, согласно международным договорам, обладают неприкосновенностью.

Соловей выслушал эту речь с выражением глубокого скепсиса на лице. Он почесал нос концом свитка и ответил:

-Посол, говоришь? А почему тогда колокольчик на шапке, как у шута горохового? Послы, я слышал, ездят с охраной, с гербами, с трубачами. А у вас что? Один -малиновый, как ярмарочный зазывала, второй -с пяльцами, а третий вообще мальчишка, у которого усы ещё не выросли. Какие же вы послы? Вы самозванцы.

Дубыня, услышав про пяльцы, обиделся. Он хотел было возразить, что вышивание -это не порок, а даже наоборот, развивает мелкую моторику и успокаивает нервы, но в этот момент Соловей вдруг закашлялся. Кашель у него был такой, что с сосны посыпалась хвоя, а сам он покраснел и схватился за горло.

Дубыня мгновенно забыл про обиду. Он с неожиданным для своих габаритов проворством соскочил с Увальня (конь от неожиданности открыл оба глаза) и подошёл к сосне, задрал голову.

-Простите, уважаемый, -сказал он, -но ваш кашель меня как медика настораживает. Вы позволите взглянуть на ваше горло?

Соловей, откашлявшись, подозрительно посмотрел вниз.

-Какой ещё медик? -просипел он.

-Я, -скромно ответил Дубыня. -Лесной медик, специалист широкого профиля. Лечил белок, ежей, одного барсука с

мигренью и трёх дятлов с сотрясением мозга. Горло, правда, не лечил ни разу, но принцип везде одинаковый: смотрим, что красное, мажем чем-нибудь мягким и даём покой. Позвольте, я поднимусь?

Не дожидаясь разрешения, Дубыня ухватился за нижнюю ветку, подтянулся (сосна жалобно скрипнула) и через мгновение уже сидел на ветке рядом с опешившим Соловьём. Тот от неожиданности даже не свистнул, а только открыл рот.

-Так, -сказал Дубыня, заглядывая туда, как в пещеру. -Ну, как я и думал. Миндалины красные, язычок отёкший, задняя стенка глотки воспалена. У вас, батенька, хронический ларингит. И, судя по голосу, вы им страдаете уже не первый год.

Соловей, который никак не ожидал, что его будут осматривать прямо на дереве, растерялся. Он хотел было возмутиться, но вместо этого как-то жалобно сказал:

-Да, горло болит. Особенно по утрам. И свистеть уже не могу, как раньше. Раньше я как свистну -деревья гнулись, а теперь... -Он показал вниз, где трава даже не шевелилась. - Один свист, а не свист.

-Это всё от перенапряжения связок, -авторитетно заявил Дубыня. -Я вам выпишу медовый компресс на ночь, тёплое питьё и полный покой. И главное -не свистеть хотя бы неделю. А ещё лучше целых две.

-Не свистеть? -Соловей посмотрел на него с ужасом. -А как же я тогда разбойничать буду? У меня всё хозяйство на

свисте держится. Если я свистеть перестану, меня ж никто бояться не будет. Меня ж тогда даже зайцы не испугаются.

Фома, который снизу внимательно слушал этот разговор, вдруг оживился. В его голове, щёлкавшей сейчас, как счёты у опытного менялы, сложилась некая комбинация. Он слез с коня, подошёл к сосне и, задрав голову, сказал:

-Послушайте, уважаемый Соловей, а вы никогда не думали сменить профессию?

-На какую? -недоверчиво спросил Соловей. -Я, окромя как свистеть и пугать, ничего не умею.

-А петь вы умеете? -спросил Фома.

Соловей замер. Потом его лицо, до того выражавшее только обиду и недоверие, вдруг озарилось давно забытым светом. Он выпрямился на ветке, поправил шапку и сказал совершенно другим голосом -звучным, чистым, бархатистым, который, казалось, шёл откуда-то из глубины его существа:

-Петь? Да я, мил-человек, был первым тенором княжеского хора! Меня сам Владимир Красное Солнышко за голос жаловал! Я ему на пирах такое выводил, что бояре плакали, а послы заморские говорили, что в их странах даже соловьи так не поют.

-И что же случилось? -спросила Василиса, которая тоже подъехала поближе.

Соловей помрачнел.

-Интриги, -сказал он горько. -Завистники. Был там один бас, Проща Козлодоев, который вечно мне завидовал. Он

князю нашептал, что я, дескать, слишком много о себе пони-
маю, что гонору у меня больше, чем голосу. И выгнали ме-
ня из хора. С тех пор я здесь, в лесу, разбоем промышляю.
А голос... голос стал пропадать. То ли от сырости, то ли от
обиды.

Фома переглянулся с Дубыней. Дубыня всё ещё сидел на
ветке и держал в руке приготовленный из какой-то тряпицы
самодельный компресс.

-А что, если нам помочь друг другу? -предложил Фома. -
Вы нас пропускаете, а я, в свою очередь, обещаю вам устро-
ить сольный концерт при княжеском дворе. Я, знаете ли, не
только посол, но ещё и в некотором роде продюсер. У меня
связи. Я могу поговорить с Алёшей Поповичем, а он уж ор-
ганизует прямую трансляцию на всё Мелкоземелье. Вернёт-
есь на сцену триумфально. А завистника вашего мы усты-
дим публично. Как вам такая сделка?

Соловей слушал, и в его маленьких глазах загорался
огонь, который загорается у артиста, когда ему говорят, что
его талант всё ещё нужен публике. Он спрыгнул с ветки (при-
землился довольно ловко для человека, у которого, по его же
словам, всё болело) и подошёл к Фоме.

-А не обманешь? -спросил он, заглядывая ему в глаза. -Я,
знаешь ли, обманов навидался. Мне один тут тоже обещал
устроить прослушивание к заморскому королю, а оказался
просто сборщиком податей.

Фома вытащил из футляра грамоту и показал печать.

-Видишь? Печать Богатырской Палаты. С этой печатью не шутят. Если я обещаю, значит, сделаю. Вернёмся от Кощея, я лично похлопочу перед князем.

Соловей долго смотрел на печать, потом перевёл взгляд на Дубыню, который уже спустился с дерева и теперь аккуратно прикладывал к горлу разбойника медовый компресс, закрепляя его полоской ткани. Потом посмотрел на Василису, которая всё это время молча сидела в седле и размышляла о том, как странно устроена жизнь: едешь к Кощею, а вместо битвы попадаешь на медицинский осмотр и переговоры о концерте.

-Ну, ежели так, -сказал Соловей и вдруг улыбнулся. Улыбка у него была неожиданно добрая и какая-то беззащитная, несмотря на разбойничью шапку и балахон в репейниках. - Тогда другое дело. Тогда проезжайте, гости дорогие.

Он порылся в складках балахона и достал большой кусок бересты, на котором тем же дёрганным почерком, что и на табличке, было выведено:

«Предъявителю сего -свободный проходъ по всему тракту и окрестностямъ. Соловей-Разбойникъ, бывшій теноръ, а ныне -другъ и покровитель странствующихъ артистовъ».

И ниже сияла размашистая подпись, похожая на автограф. -Это охранная береста, -пояснил Соловей. -С ней вас никто в здешних лесах не тронет. Меня тут вся нечисть уважает. Даже леший со мной советуется по вопросам музыкального оформления своих троп. Так что смело езжайте.

Фома с поклоном принял бересту и спрятал её в тот же футляр, где лежала грамота. Теперь у него было два важных документа, и от этого он чувствовал себя почти неуязвимым.

-А можно я ещё кое-что попрошу? -вдруг сказала Василиса, спешиваясь.

-Проси, -кивнул Соловей, который теперь пребывал в самом благодушном настроении.

Василиса вытащила меч (что был ей великоват) и, прищурившись, посмотрела на сосну, с которой Соловей недавно слез.

-Вон, на верхней ветке, шишка висит. Если я её собою с одного удара, вы разрешите мне называть это моим первым подвигом? А то, понимаете, ехать к Кощею без единого подвига, как-то несолидно.

Соловей хмыкнул и кивнул. Василиса размахнулась (меч описал в воздухе довольно кривую дугу), и -о чудо! -лезвие, чиркнув по коре, срезало шишку, которая кубарем полетела вниз и упала прямо в раскрытую ладонь Дубыни.

-Вот это да! -восхитился Соловей. -Ай да мальчишка! Ай да удалец! Из тебя, парень, толк выйдет. Может, тебе тоже в артисты податься? С таким-то глазомером.

-Нет уж, -пробормотала Василиса, краснея. -Я лучше мечом.

Она подошла к Дубыне, и тот протянул ей шишку, как драгоценность.

-Держи, -сказал он. -Первый трофей. Я в детстве тоже лю-

бил шишки собирать. У меня до сих пор где-то в лесу коллекция лежит, по видам и размерам. Вот эта, -он повертел шишку в пальцах, -еловая, трёхлетняя. Хороший экземпляр. Если её посадить, может вырасти целое дерево.

Василиса взяла шишку и бережно положила в карман. Впервые за всё время она почувствовала, что не зря надела мужской кафтан.

Прощание с Соловьём вышло тёплым и даже слегка сентиментальным. Соловей ещё раз напомнил про медовый компресс, Дубыня пообещал прислать ему подробные рекомендации по уходу за горлом, Фома подтвердил свои намерения насчёт концерта, а Василиса молча пожала Соловью руку. Когда троица снова тронулась в путь, Соловей стоял на пне и махал им вслед берестяным свитком.

-Возвращайтесь! -кричал он. -И помните: если что -свистите!

-Только ты не свисти, -отозвался Дубыня, -тебе вредно!

Соловей рассмеялся, закашлялся, схватился за горло и быстро замотал на нём компресс.

Дорога снова петляла между деревьями, и скоро фигура Соловья скрылась из виду. Некоторое время ехали молча. Фома что-то подсчитывал в уме, Дубыня напевал ту же колыбельную, что и раньше, а Василиса смотрела на шишку в своей руке и улыбалась.

-Знаете, -сказала она вдруг, -а ведь это и правда был подвиг. Ну, не мой, а наш общий. Мы не стали с ним драться,

не стали обманывать (ну, почти), а помогли. Может, так и надо с врагами? Может, их сперва надо лечить, а уж потом, если не поможет, -мечом?

-Это смотря какой враг, -рассудительно ответил Фома. - Если враг -это бывший тенор, которому просто горло натёрли, то да. А если враг -Кощей, у которого игла в утке, то тут уж, боюсь, одним компрессом не обойтись.

-Посмотрим, -сказала Василиса. -Я вот что думаю: у каждого, даже у самого злого, есть что-то, что у него болит. Если найти эту боль и полечить, может, он и злым быть перестанет.

Дубыня посмотрел на неё с одобрением.

-Золотые слова, -сказал он. -Я всегда говорил: доброе слово и медовый компресс творят чудеса. Жаль только, что компрессов на всех не напасёшься.

Увалень, который впервые за всё время подал голос, тихо фыркнул, словно соглашаясь. И процессия двинулась дальше, в глубь леса, где их ждали новые встречи, новые недоумения и, конечно, новые подвиги, которые, как выяснилось, иногда начинаются с обыкновенной шишки.

Глава седьмая. Таможня Лешего: экологическая зона, или Как рецепт пирога оказался важнее посольской грамоты

Лес, через который ехали наши герои, с каждой верстой становился всё гуще, всё темнее и всё задумчивее. Если вначале деревья стояли на почтительном расстоянии друг от друга, как гости на скучном приёме, то теперь они теснились к самой дороге, переплетались ветками и, казалось, перешёптывались о чём-то своём, древесном. Дубыня, который чувствовал себя в лесу как дома, ехал последним и время от времени здоровался с особо приметными дубами, а один раз даже слез с Увальня, чтобы поправить покосившийся муравейник. Муравьи, надо сказать, отнеслись к его помощи с недоверием и немедленно принялись перестраивать всё обратно, но Дубыня не обиделся - он знал, что у муравьёв свои представления об архитектуре.

Василиса ехала молча, изредка трогая амулет на груди. После вчерашнего письма и шишки, которую она сберегла в кармане, ей казалось, что она попала в какую-то длинную, запутанную сказку, где все правила придумываются на ходу. Ей очень хотелось совершить ещё какой-нибудь подвиг, же-

лательно на глазах у Дубыни, но, как назло, лес был тих и миролюбив, только белки переругивались из-за прошлогодних орехов да где-то вдалеке куковала кукушка с явным браком в голосе -она куковала не «ку-ку», а «ку-ку-кхрр», словно простудилась.

Фома, возглавлявший процессию, пребывал в отличном расположении духа. Охранная береста Соловья-Разбойника грела ему не только карман, но и душу: он уже прикидывал, сколько можно выручить за такой документ, если продать его какому-нибудь купцу, который часто ездит через лес. Правда, купца пока не было, но Фома считал, что хорошая вещь всегда найдёт покупателя. Кроме того, он размышлял о том, как именно он организует концерт Соловья при дворе: можно взять с артиста процент от сборов, а можно только единовременную плату вперёд, что надёжнее. В общем, мысли его были самого приятного свойства, когда вдруг дорога резко свернула влево и упёрлась в шлагбаум.

Шлагбаум был не простой. Он был сделан из цельного бревна, обмотанного полосами берёсты, на которых красовались надписи, сделанные зелёной краской. Надписи гласили: «Особо охраняемая природная территория «Мелкоземелья». Въездъ только по спеціальнымъ разрѣшеніямъ».

Ниже, более мелкими буквами:

«Запрещается: топтать мохъ, шумѣть, рубить деревья, мусорить, колдовать безъ лицензіи, пѣть послѣ захода солнца и думать о плохомъ».

И ещё ниже, совсем уже бисерным почерком:

«Нарушители будутъ оштрафованы, прочитаны лекціи о бережномъ отношеніи къ природѣ и, въ случаѣ рецидива, превращены въ ежей. Ежи тоже нужны лѣсу, но это не точно».

Рядом со шлагбаумом стояла будка, сколоченная из сосновых досок и покрытая мхом, который рос на ней так буйно, что будка напоминала скорее небольшой холмик, чем жилище. Из трубы вился дымок, пахнувший хвоей и немного - сушёными грибами. А перед шлагбаумом, заложив руки за спину и расставив ноги в лаптях, стоял Леший.

Леший был существом, которое могло бы показаться страшным, если бы не одна деталь: весь он, от макушки до пят, был увешан значками. Значки были самые разные: «Юннат года», «Лучший другъ природы», «За отличную охрану лѣса», «Перепись дятловъ -647», «Спасатель мухоморовъ», «Почётный ёжъ» и ещё десятка два, которые блестяли на его зелёном кафтане, как чешуя на рыбе. Увидев такую коллекцию, любой нормальный человек сразу понимал, что перед ним не просто леший, а леший-активист, с которым лучше не спорить, потому что у таких людей (или не людей) энтузиазма больше, чем у трёх обычных богатырей, вместе взятых.

-Стоять! -скомандовал Леший, поднимая руку, и рука эта оказалась зелёной не от болезни, а от природы, потому что кожа у Лешего была цвета молодой листвы, а волосы напо-

минали пучок осоки. -Дальше впереди расположена охраняемая зона. Без документов не пушаю.

Фома осадил коня и оглядел шлагбаум с оценивающим видом.

-Какие документы, уважаемый? -спросил он вежливо. -Мы -посольская миссия, едем по государственному делу. Вот грамота с печатью.

Он достал из футляра свою заветную грамоту и протянул Лешему. Тот взял бересту, внимательно осмотрел печать, понюхал её (от печати пахло сургучом и почему-то капустой, потому что Илья Муромец, как мы помним, прикладывал её после обеда) и вернул обратно.

-Грамота -это хорошо, -сказал Леший. -Но она даёт право ехать, а не право ехать через лес. Лес -это особое место. Тут, знаете ли, каждая травинка на счету. У меня тут за прошлый месяц три муравейника пострадали от копыт, один дятел остался без дупла, потому что какой-то умник срубил сухостой, а сухостой, между прочим, был домом для семнадцати видов насекомых. Семнадцати! Вы понимаете?

-Понимаем, -сказал Дубыня, который при словах «муравейник» и «дятел» заметно оживился. -Я сам, знаете ли, люблю природу. У меня в лесу каждый муравей на учёте. И вообще, я всегда говорил: лес -это общий дом.

-Вот! -Леший ткнул в него пальцем. -Вот вы меня пони-

маете! А они, -он обвёл рукой воображаемых нарушителей, -они ездят, топчут, мусорят, а потом удивляются, почему грибы не растут. А грибы не растут, потому что грибница чувствует неуважение. Грибы, они, знаете ли, очень обидчивые.

-Мы не топчем, -сказала Василиса, которая всё это время молча слушала. -Мы тихо едем, шагом. И мусор не бросаем. У нас даже огрызков нет.

-Это все хорошо, -кивнул Леший. -Но мне нужны документы. Конкретно: справка об отсутствии вредоносной магии, сертификат на обувь, разрешение на шум и, на всякий случай, заключение о том, что ваши мысли не вредят окружающей среде. Потому что, знаете, бывают такие мысли, что от них цветы вянут. У меня тут был один случай: проезжал купец, думал о налогах, так у меня три берёзы пожелтели. Пришлось отпаивать берёзовым соком.

Фома, который за свою жизнь прошёл через столько таможен, что мог бы читать лекции на эту тему, ничуть не смутился. Он порылся в своей сумке (где у него хранились образцы мазей, старые долговые расписки и прочие полезные в хозяйстве вещи) и извлёк оттуда целый ворох берестяных грамот, перевязанных бечёвкой.

-Вот, -сказал он, развязывая бечёвку. -Тут у нас всё, что нужно. Справки, сертификаты, разрешения. Полный набор. Можете проверять.

Леший подозрительно посмотрел на кипу бересты, но

взял её и принялся разбирать. Он откладывал одну грамоту за другой, бормоча себе под нос:

-Так, это что? «Разрѣшеніе на провозъ трёхъ бочекъ мѣда черезъ Змѣеву заставу». Не подходит, у вас мѣда нет... Это: «Свидѣтельство о томъ, что предьявитель сего не является оборотнемъ». Ну, это мы проверим позже... Это: «Грамота о присвоеніи званія Почётнаго Знахаря». Хм...

-Это моё, -скромно заметил Дубыня. -Я, знаете ли, немного лечу. Вот недавно Соловью-Разбойнику горло пользовал.

Леший поднял голову и с интересом посмотрел на Дубыню.

-Соловью? Который свистит? А я ему говорил: не свисти в дождливую погоду, связки беречь надо. Не послушался, значит.

-Он теперь на компрессах, -пояснил Дубыня. -Я ему медовый компресс прописал. И покой.

-Медовый -это правильно, -одобрил Леший и снова углубился в бумаги. -Так, дальше: «Договоръ купли-продажи волшебнаго амулета, спасающаго отъ сглаза и отъ несваренія желудка». Это чьё?

-Моё, -неожиданно для самой себя сказала Василиса и снова покраснела. Она и забыла, что Фома ещё в первый день пытался продать ей какую-то подвеску, но она отказалась, а бумагу он, видимо, сохранил.

-Амулеты -это ладно, -махнул рукой Леший. -Амулеты природе не вредят. А это что?

Он вытащил из вороха последнюю бересту -самую мятую и заляпанную чем-то, похожим на засохшее тесто. На бересте крупными буквами, явно написанными рукой Дубыни, значилось:

«Рецептъ пирога съ капустой. Берётся капуста квашеная, три горсти, да мука пшеничная, да яицъ два, да соли щепоть. Мѣсить долго, пѣтъ при этомъ не возбраняется. Въ печь сажать на средній жаръ. Готовность опредѣлять по запаху. Ежели запахъ пошѣлъ -вынимать, не то подгорить».

Леший прочитал, потом перечитал ещё раз, шевеля губами. Потом поднёс бересту к глазам, рассматривая её так, будто перед ним был по меньшей мере древний манускрипт.

-Это что? -спросил он шёпотом.

-Это рецепт, -простодушно ответил Дубыня. -Я его для памяти записал. У меня, знаете ли, память хорошая, но на рецепты -плохая. Особенно на капусту. Я один раз забыл про капусту, так у меня вместо пирога получилась такая штука... в общем, даже Увалень не стал бы есть. А он, между прочим, всеядный.

-Рецепт, -повторил Леший, и глаза его заблестели. -Рецепт... пирога... с капустой...

Наступила долгая пауза. Леший держал бересту в руках, и по его лицу расплзалось выражение какого-то почтительного изумления. Наконец он сказал:

-Вы знаете, что это такое? Это же... это же кулинарная магия высшего порядка!

-Простите? -переспросил Фома.

-Кулинарная магия! -воскликнул Леший, потрясая берестой. -Я слышал о ней от старых леших, но никогда не думал, что увижу своими глазами. Тут же всё зашифровано! «Мѣсить долго» -это ритуал! «Пѣть не возбраняется» -это заклинание! А «средній жарь» -это указание на точную температуру, которую может определить только посвящённый! Вы, - он повернулся к Дубыне, -вы, оказывается, не просто лекарь, вы -кулинарный маг!

Дубыня хотел было возразить, что никакой магии тут нет, а есть только бабушкин рецепт, который он записал ещё в детстве, но Леший уже не слушал. Он бережно, словно хрустальную, положил бересту на столбик у шлагбаума, достал из кармана маленькую деревянную печать в форме дубового листа и шлёпнул ею по рецепту. Потом подумал и шлёпнул ещё раз, для верности. И ещё раз, теперь уже на посольскую грамоту Фомы, которая лежала рядом.

-Всё, -объявил он торжественно. -Пропуск открыт. Можете ехать. И не просто ехать -вы теперь почётные гости Мелкоземеоья. С рецептом такого уровня вам везде у нас зелёный свет. В смысле, зелёный шлагбаум. То есть, я хотел сказать, добро пожаловать.

Он подошёл к шлагбауму и с неожиданной силой поднял бревно, пропуская путников. Фома, не веря своей удаче, поспешно спрятал все грамоты обратно в сумку, включая рецепт, на котором теперь красовалась лиловая печать. Васи-

лиса тихо прыснула в кулак. Дубыня же, который так и не понял, что произошло, сказал:

-Вообще-то это просто пирог. Но если хотите, я могу и вам рецепт оставить. У меня ещё есть рецепт щей с грибами и рецепт киселя из черники.

-Оставьте! -вскричал Леший. -Оставьте всё! Это же бесценные знания! Я их в рамочку и на стену, рядом со значками!

Дубыня, пожав плечами, полез в свою котомку (где лежали пяльцы и запасная пара портянок) и достал оттуда ещё две берестяные таблички, исписанные тем же крупным, старательным почерком. Леший принял их с таким благоговением, с каким обычно принимают священные тексты.

-Спасибо, -сказал он растроганно. -Спасибо вам, добрые люди. Если когда-нибудь вам понадобится помощь леса, только позовите. Я всё устрою. Дятлы для вас специально концерт устроят, муравьи дорожку выложат, а белки соберут для вас орехи. Только вы, это, не забывайте: лес -он живой. И рецепты у вас замечательные.

-Не забудем, -пообещал Дубыня. -А дровосеков вы не видели? Я вообще-то управу на них ищу.

-Дровосеков? -Леший нахмурился. -Дровосеков я давно вывел. Последнего, который тут бродил с топором, я превратил в ежа. Он теперь живёт в овраге и ест слизней. Говорят, доволен.

Дубыня подумал и решил, что это, пожалуй, слишком су-

ровое наказание даже для дровосека, но промолчал.

Увалень, которому надоело стоять на месте, негромко, но внушительно вздохнул, и процессия двинулась дальше. Леший ещё долго стоял у шлагбаума и махал им вслед зелёной рукой, а потом бережно, как младенца, унёс рецепты в свою будку.

-Ну и дела, -сказал Фома, когда шлагбаум скрылся за поворотом. -Никогда бы не подумал, что рецепт капустного пирога может оказаться полезнее посольской грамоты. Вот что значит -правильный документ в нужном месте.

-Это не просто рецепт, -возразила Василиса, которая всё ещё улыбалась. -Это, можно сказать, ключ к пониманию. Каждый видит то, что хочет видеть. Леший увидел магию, а на самом деле там просто капуста и мука.

-Капуста и мука, -задумчиво повторил Дубыня. -А ведь и правда: самое простое иногда кажется самым сложным. Я, когда жил в лесу, часто думал: почему люди всё усложняют? Ведь всё нужное -оно простое. Хлеб, вода, доброе слово. И пирог, да.

-И пирог, -согласился Фома. -Особенно если на этот пирог можно поставить печать и выдать за волшебный артефакт. Я, знаешь ли, уже прикидываю, сколько таких рецептов можно продать...

-Не надо, -сказала Василиса строго. -Не надо всё переводить в деньги. Иногда достаточно того, что рецепт просто помог нам проехать.

Фома вздохнул, но спорить не стал. В конце концов, у него в сумке лежала грамота с печатью Лешего, а это, как ни крути, прибавляло веса всей миссии.

Лес между тем начал понемногу редеть. Дорога пошла под уклон, и вскоре между стволами заблестела вода - где-то впереди, судя по всему, протекала Молочная река, о которой рассказывали столько странных историй, что Василиса даже слегка заволновалась. Но это, как говорится, уже совсем другая глава, а пока наши герои ехали по лесной тропе, и над ними плыли облака, и солнце пробивалось сквозь листву золотыми пятнами, и Увалень время от времени флегматично фыркал, давая понять, что он всё ещё не до конца проснулся, но в целом не против продолжать путь.

Где-то позади, у шлагбаума, Леший уже приколачивал к стене будки новую табличку: «Здѣсь былъ кулинарный магъ Дубыня съ рецептомъ пирога. Слава капустѣ!» И, надо сказать, табличка эта провисела на будке ещё очень долго, вызывая у проезжающих купцов и случайных странников самые разнообразные догадки, ни одна из которых, впрочем, не соответствовала истине. Но это и неудивительно - истина в Мелкоземелье вообще редко лежит на поверхности, чаще она прячется где-нибудь между строк, а ещё чаще, в рецепте пирога с капустой.

Глава восьмая. Ночной привал и поэтическая дуэль, или Как Лихо Одноглазое чуть не рассмешило всех до смерти

Фома первым спрыгнул с коня, размял затёкшие ноги и оглядел место для ночлега. Место было выбрано удачно: небольшая поляна, спускающаяся прямо к воде, справа располагилась раскидистая ива, свесившая ветви до самой земли, слева рос молодой дубок, который, судя по его кривизне, в детстве пострадал от молнии, но выжил и даже обрёл некоторую живописность. Посередине поляны чернело старое кострище, обложено речными камнями, а чуть поодаль стояла берёза. Это была та самая берёза, с которой Дубыня немедленно завёл зрительный контакт и, кажется, уже начал вести с ней молчаливый диалог.

-Располагаемся, -скомандовал Фома тоном человека, который всю жизнь только и делал, что командовал привалами. -Ты, Дубыня, займись костром. Ты, Вася, набери воды. А я пока осмотрю окрестности на предмет возможной опасности.

-А ты разве не будешь ничего делать? -спросила Василиса.

-Я буду руководить, -ответил Фома с достоинством. -Ру-

ководство —это тоже работа. Причём самая сложная. Спроси у любого боярина.

Василиса хотела возразить, что бояре, по её наблюдениям, руководили в основном собственным пищеварением, но промолчала и пошла к реке с котелком. Котелок был медный, с одной ручкой, и отражавшем закатное солнце так, что по воде бегали золотые зайчики. Когда Василиса зачерпнула молочной воды, котелок вдруг потяжелел.

—Интересно, —пробормотала Василиса, —её пить можно или надо кипятить?

—Речную воду кипятить не советую, —отозвался Фома, который, вопреки своим словам, никуда не пошёл, а уселся на поваленное бревно и теперь с интересом разглядывал свои сапоги. —Пей так, тут всё чистое, Леший за этим следит.

Дубыня, который уже успел насобирать хвороста и сложить его аккуратным шалашиком в кострище, вдруг оживился.

—Леший, —сказал он, —хороший человек. То есть не человек, но хороший. Я ему, кстати, обещал рецепт киселя из черники. Надо будет записать, пока не забыл.

Он достал из котомки кусок бересты и уголёк, которым пользовался вместо писала, и принялся выводить буквы. Писал он старательно, высунув от усердия кончик языка, и каждая буква выходила размером с ноготь большого пальца, потому что уголёк крошился, а береста была шершавая. Со стороны это выглядело так трогательно, что Василиса, вер-

нувшаяся с котелком, замерла на мгновение и уставилась на него. Дубыня, почувствовав взгляд, поднял голову.

-Ты чего? -спросил он.

-Ничего, -быстро ответила Василиса и отвернулась. -Костёр давай разводить.

Костёр разгорелся быстро: хворост был сухой, а Дубыня, при всей своей неуклюжести, обращался с огнём так же бережно, как с пациентами. Скоро над поляной поднялся лёгкий дымок, запахло горячей древесиной, и стало уютно, насколько вообще может быть уютно в диком лесу на берегу молочной реки, где из кустов доносится неясное шебаршение, а вдалеке кто-то периодически ухает с вопросительной интонацией.

Фома разложил на траве нехитрый ужин: сухари, сало, головку лука и ту самую банку мази от лысины, которую у него изъяли, а потом вернули за ненужностью. Мазь, впрочем, есть не собирались, она лежала просто как напоминание о прошлых ошибках. Василиса нарезала сало тонкими ломтиками, Дубыня поджарил сухари на прутике (получились гренки, слегка подгоревшие, но хрустящие), и некоторое время все трое молча жевали, глядя в огонь.

Первым нарушил молчание Дубыня. Он прожевал последний сухарь, запил его молочной водой (вода оказалась на вкус как очень жидкая сметана с едва уловимым привкусом ванили) и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

-А ведь хорошая нынче ночь. Тёплая, звёздная. И берёза

вон стоит, красавица. Прямо как та, из моего леса. Только та повыше будет и ветви у неё поникшие, словно она всё время грустит.

Василиса, услышав про берёзу, напряглась. В прошлый раз, когда Дубыня заводил разговор о берёзе, дело кончилось тем, что он полчаса с ней разговаривал, а Василиса сидела в кустах и мучилась от неловкости. Сейчас кустов поблизости не было, но берёза была, и смотрела она на Дубыню с каким-то вызывающим равнодушием, как смотрят все деревья, когда им собираются посвятить стихи.

-Я, знаете ли, -продолжал Дубыня, и голос его приобрёл ту особую задушевную интонацию, которая обычно предшествует чтению стихов, -написал тут одно небольшое сочинение. Поэму. Называется «Страдания молодой берёзки». Если позволите, я бы прочитал.

Фома, который в этот момент пытался выковырять застрявший в зубах сухарь, кивнул неопределённо. Василиса ничего не сказала, но по её лицу пробежала тень, и она машинально взялась за рукоять меча. Дубыня, не заметив этого, встал, откашлялся и повернулся к берёзе, словно именно она была главной слушательницей.

-«Страдания молодой берёзки», -объявил он. -Поэма в трёх частях с прологом и эпилогом.

-Может, без эпилога? -робко предложил Фома.

-С эпилогом, -твёрдо сказал Дубыня. -Эпилог -это самое важное. Там развязка.

Он откашлялся ещё раз, приосанился и начал.

Стоит берёзка у ручья,

Одна стоит, бедняжечка.

Никто не чешет ей кору,

Не вяжет на ветвях тесёмочку.

Приходит к ней лесник-мужик,

С топором да с пилою.

«Срублю берёзу на дрова, —

Грозит, -и дело с концом».

А та стоит, не шелохнёт,

Листочки чуть трепещутся.

И думает: «За что же мне

Такая злая участь-то?»

Дубыня читал с чувством, повышая голос на трагических местах и понижая на лирических. На слове «участь-то» он сделал такое скорбное лицо, что Фома перестал ковырять в зубах и замер с открытым ртом. Василиса сидела, обхватив колени руками, и смотрела на Дубыню со смесью восхищения и ревности. Берёза слушала с тем же выражением, с каким все деревья слушают стихи, то есть никак, но Дубыне казалось, что она трепещет листьями в такт рифмам.

Поэма продолжалась. Во второй части берёзу спасал отважный дятел, который долбил леснику шляпу и тот в страхе бежал. В третьей части берёза выздоравливала, но оставалась одинокой, потому что все остальные деревья её сторонились («зачем ты, говорят, с дятлом связалась, он же

стучит без продыху»). Эпилог же был и вовсе неожиданным: выяснялось, что берёза на самом деле -заколдованная царевна, но расколдовать её мог только тот, кто прочтает ей поэму собственного сочинения. Прочитав поэму, Дубыня, по сюжету, расколдовывал царевну, но она, превратившись обратно в человека, немедленно убегала в город, потому что «в лесу комары и вообще скучно».

-Вот, -сказал Дубыня, закончив чтение и вытирая со лба пот (чтение поэмы заняло добрых полчаса, и он изрядно утомился). -Как вам?

Фома, который за это время успел трижды заснуть и проснуться, ответил дипломатично:

-Очень... э-э-э... познавательно. Особенно про дятла. Я, признаться, никогда не думал, что дятел может быть спасителем. Мне казалось, он только по дереву стучит и головой трясёт.

-Дятел птица благородная, -сказал Дубыня. -У него и мозговой отдел хорошо развит, и чувство долга. Я, когда писал, консультировался со знакомым дятлом. Он, правда, вместо ответа всё время стучал, но я понял, что он одобряет.

-А я вот что думаю, -неожиданно вмешалась Василиса, и голос её прозвучал чуть резче, чем обычно. -Берёза эта ваша, она, может, и не хотела, чтобы её расколдовывали. Может, ей нравилось быть берёзой. Стоишь себе, листочками шелестишь, никто тебя не трогает. А тут приходит какой-то... дятел... и всё портит.

-Как это портит? -удивился Дубыня. -Он же её спас!

-Спас, -повторила Василиса и вдруг встала. -А она его об этом просила? Может, она того лесника с топором сама поджидала, чтобы он её срубил и из неё сделали, скажем, скамейку или, допустим, лукошко для грибов? Откуда вы знаете, чего хотела берёза?

Дубыня опешил. Он привык, что его поэму слушают с уважением (Соловей-Разбойник, например, даже прослезился), а тут вдруг такая критика, да ещё от юного оруженосца, который, казалось бы, должен разбираться только в мечях.

-Но это же поэма, -растерянно сказал он. -В поэмах всегда так: герой спасает героиню, даже если она не просит. Это закон жанра.

-Плохой закон, -отрезала Василиса и, резко развернувшись, пошла прочь от костра.

Она остановилась у края поляны, где росли густые лопухи, которые по виду напоминают уши слонов, если слоны водятся в Мелкоземелье. Василиса выхватила меч и принялась рубить лопухи с такой яростью, словно каждый лопух был лично виноват в том, что она не берёза. Лопухи разлетались в стороны, листья падали на траву, а Василиса всё рубила и рубила, и со стороны это выглядело так, будто она сражается с целым войском зелёных врагов.

-Чего это он? -шёпотом спросил Фома у Дубыни. -То есть, чего это она? Ну, он. Я запутался.

-Не знаю, -так же шёпотом ответил Дубыня. -Может, у

него нервное. Я в детстве тоже, когда нервничал, рубил крапиву палкой. Правда, потом выяснилось, что крапива лекарственная, и матушка меня за это ругала. Но лопухи -это не крапива, их можно.

Василиса между тем выдохлась. Она остановилась, переводя дыхание, и вдруг заметила, что один из лопухов, самый крупный, после её удара не свалился, а как-то странно покачнулся и издал звук, похожий на чихание. Василиса насто-рожилась. Лопух чихнул ещё раз, потом ещё, а потом раз-двинулся, и из-под него показалась голова.

Голова была круглая, покрытая редкими рыжеватыми во-лосами, которые торчали в разные стороны, как солома на старой крыше. На лице, там, где у нормальных людей рас-полагаются два глаза, красовался один -большой, выпуклый и чрезвычайно выразительный, цвета переспевшего кры-жовника. Одет обладатель головы был в длинный балахон неопределённого цвета, который когда-то, вероятно, был зе-лёным, но с тех пор повидал столько всего, что теперь напо-минал скорее карту неизвестной местности с пятнами и раз-водами. В руках он держал свёрнутую в трубочку бересту и маленькую кожаную сумочку, из которой доносилось позвя-кивание.

-Добрый вечер, -сказала голова, выбираясь из лопухов. - Прошу прощения, что без приглашения. Я услышал поэму и не мог удержаться. У вас тут, я вижу, творческий вечер? Я, знаете ли, сам немножко артист. В некотором роде.

Дубыня и Фома усталились на пришельца. Василиса, которая всё ещё держала меч, опустила его, но на всякий случай не убрала в ножны.

-Вы кто? -спросил Фома, прищурившись. -Что-то я вас не припомню. Хотя лица я запоминаю хорошо, особенно если на них есть что-то особенное. А у вас, простите, глаз один. Это что, врождённое или приобретённое?

-Это профессиональное, -ответил гость, вылезая окончательно и отряхивая балахон от лопушиных колючек. -Меня зовут Лихо. Лихо Одноглазое. Может, слышали? Я, знаете ли, довольно известен в определённых кругах. Выступаю с юмористической программой. Вот, -он потряс берестой, -новый материал. Хотел испытать на благодарной публике, а то в лесу, сами понимаете, публика неблагодарная. Медведи не смеются, лисы хихикают не там, где надо, а зайцы вообще засыпают на середине шуток.

-Вы юморист? -переспросила Василиса, убирая наконец меч. -То есть, вы рассказываете шутки?

-Именно, -Лихо просиял, и его единственный глаз засверкал, как начищенный самовар. -Я рассказываю шутки. И не просто шутки, а шутки особого свойства. Они, знаете ли, немного... волшебные. Когда я их рассказываю, с людьми что-то происходит. Не всегда хорошее, но всегда смешное. Во всяком случае, мне смешно. А это главное, правда?

Никто не ответил. Дубыня инстинктивно попятился, за-

слонив собой берёзу (та по-прежнему стояла безучастно). Фома, напротив, подался вперёд: он почуял возможность если не заработка, то хотя бы развлечения.

-Что ж, -сказал он, -давай свои шутки. Только учти: у нас тут люди серьёзные, на ответственной миссии. Если шутка окажется плохой, пеняй на себя.

-О, она не плохая, -заверил Лихо, усаживаясь на пень и разворачивая бересту. -Она, может быть, лучшая в моём репертуаре. Я её три недели сочинял. Называется «Змей Горыныч и черепаха». Готовы?

-Готовы, -сказал Фома за всех.

Лихо откашлялся (кашель у него был такой, словно кто-то тряс мешок с гвоздями) и начал:

-Значит, приходит Змей Горыныч к лекарю и говорит: «Доктор, у меня проблема. Каждое утро, когда я просыпаюсь, у меня все три головы болят». А лекарь ему говорит: «А вы, батенька, не пробовали спать не на трёх подушках, а на одной?» А Змей отвечает...

Что именно ответил Змей, никто не узнал, потому что в этот момент Дубыня вдруг громко икнул. Икота у него была необычная: она звучала как трубный глас, только очень короткий и какой-то вопросительный. Сразу за первым «ик» последовал второй, потом третий, и скоро Дубыня икал с частотой примерно раз в три секунды, причём каждый раз его тело подпрыгивало, а Увалень, спавший неподалёку, вздрагивал и открывал один глаз.

-Это... ик... что такое? -проговорил Дубыня, хватаясь за грудь. -У меня... ик... никогда не было... ик... такой икоты!

-Это шутка действует, -пояснил Лихо с гордостью. -Я же говорил: они у меня волшебные. Вы смеётесь не ртом, а всем организмом. Очень полезно для пищеварения, между прочим.

Но на этом действие шутки не закончилось. Фома, который сперва только улыбался, вдруг схватился за уши и скривился, словно ему в оба слуховых прохода одновременно засунули по комару. В ушах у него зазвенело, да так, что он перестал слышать и собственную речь, и икоту Дубыни, и треск костра, а слышал только высокий, непрерывный, пронзительный звон, похожий на тот, что издаёт пустой медный таз, если по нему ударить деревянной ложкой и тут же прижать к уху.

-А? Что? -закричал Фома. -Я ничего не слышу! В ушах звенит! Что ты с нами сделал, одноглазый?

-Это побочный эффект, -сказал Лихо, ничуть не смутившись. -У некоторых людей звенит в ушах, у некоторых икота, у некоторых чешутся пятки. Индивидуальная реакция. Но согласитесь, шутка-то хорошая! Я её ещё не дорассказал, кстати. Там дальше самое смешное: лекарь говорит Змею...

-Не надо! -крикнула Василиса. -Хватит!

Она схватила с земли свой сапог (что она сняла, потому что натёрла ногу) и с размаху метнула его в Лиха. Сапог, описав в воздухе дугу, попал прямо в бересту, которую Ли-

хо держал перед собой. Береста с треском разорвалась, Лихо кубарем скатился с пня, а сумочка, висевшая у него на поясе, раскрылась, и оттуда высыпались какие-то маленькие свитки. Один из них подкатился к ногам Василисы. На нём было написано: «Сборникъ лучшихъ шутокъ Лиха Одноглазаго. Выпускъ 17. Не читать натошакъ и въ присутствіи беременныхъ».

-Ты! -Лихо вскочил, отряхиваясь. -Ты испортил мой материал! Мой лучший номер! Я его три недели сочинял, советовался с филином, репетировал перед пнём! А ты... сапогом!

-Извините, -сказала Василиса, хотя по её тону было ясно, что она ни капли не сожалеет. -Но ваша шутка превратила моего друга в икающий колокол, а второго друга в глухого тетерева. Это не юмор. Это оружие.

-Это юмор, -возразил Лихо, подбирая с земли свитки. -Просто не все способны его понять. Нужна, знаете ли, определённая душевная организация. У вас, я вижу, организация простая, крестьянская. Вам бы всё мечом да сапогом. А настоящее искусство требует тонкости восприятия.

Дубыня тем временем продолжал икать. Теперь он икал так сильно, что от каждого толчка с деревьев срывались листья. Берёза, которой он читал поэму, потеряла три жёлтых листочка, и они, кружась, опустились на траву. Фома, всё ещё страдая от звона, пытался прочистить уши пальцем, что помогало примерно так же, как помогает зонтик при наводнении.

-Уходите, -сказала Василиса, поднимая второй сапог. - Или я повторю. И на этот раз буду целиться не в бересту.

Лихо обиженно засопел. Его единственный глаз сверкнул, и в этом сверкании промелькнуло то, что не предвещало ничего хорошего. Он собрал свои свитки, засунул их в сумочку и, пятясь, отошёл к кустам.

-Вы ещё пожалеете, -сказал он. -Вы ещё вспомните этот вечер. Я, знаете ли, обид не прощаю. У меня память, как у слона. То есть как у того, кто видел слона и запомнил. В общем, долгая память. Мы ещё встретимся.

-Обязательно, -ответил Фома, который к тому времени начал различать отдельные слова. -Только сначала вылечи мои уши, а?

-Сами вылечатся, -буркнул Лихо и, повернувшись, исчез в зарослях. Вслед ему полетел запах -странный, серный, с примесью чего-то цветочного, как будто кто-то поджёг одновременно кучу старых листьев и букет ромашек. На поляне стало тихо. Только Дубыня всё ещё икал, но уже реже и тише.

-Ну и дела, -сказал Фома, тряхнув головой. Звон в ушах понемногу стихал, сменяясь лёгким шумом, как после долгого купания. -Это что же получается? Мы тут, можно сказать, сразились с врагом. Причём враг этот -комик-неудачник с волшебными шутками. Я такого даже на ярмарке не видел, а я на ярмарке всякое видел.

-Он не неудачник, -сказала Василиса, поднимая с земли ту самую брошюру, которая выпала из сумочки Лиха. -Он

просто... ну, своеобразный. Смотрите, что тут написано.

Она раскрыла свиток и прочитала вслух:

«Лихо Одноглазое представляет: шутки, анекдоты и весёлые истории для всей семьи. Предупреждение: смех вызывает побочные эффекты, включая, но не ограничиваясь: икоту, звонъ въ ушахъ, чесотку, крапивницу, выпаденіе волосъ, внезапное кукареканье и лёгкое головокруженіе. Авторъ за послѣдствія не отвѣчаетъ».

-Ничего себе лёгкое головокружение, -прокомментировал Фома. -У меня чуть барабанные перепонки не лопнули.

-А я, -сказал Дубыня, который наконец перестал икать и теперь сидел на бревне с очень сконфуженным видом, -я, кажется, икнул ровно сто сорок три раза. Я считал, чтобы отвлечься. Мне помогало... ик... нет, не помогало. Но я считал.

-Надо будет запомнить, -заметила Василиса, -что с этим Лихом шутки плохи. В прямом смысле. Его юмор -это оружие, и он, кажется, не очень-то умеет им пользоваться. Обиделся на нас и ушёл. А обиженный юморист -это хуже, чем обиженный колдун. Колдун просто проклянёт, а этот придёт с новой шуткой и всех заиками оставит.

-Ничего, -подвёл итог Фома, потягиваясь, -будем надеяться, что наши пути больше не пересекутся. А если пересекутся, у нас есть сапоги.

Он поднял с земли сапог, которым Василиса бросила в Лиха, и вернул его владелице. Василиса обулась и села обратно к костру. Дубыня подбросил хворосту, и пламя вспых-

нуло ярче, разгоняя ночные тени. Некоторое время все молчали, думая каждый о своём. Василиса -о том, что лопухи зря пострадали, они-то ни в чём не виноваты. Дубыня -о том, не обиделась ли берёза на критику поэмы. Фома -о том, как бы использовать брошюру Лиха в коммерческих целях (может, продать её какому-нибудь врагу?). А где-то в лесу, пробираясь сквозь кусты, шло Лихо Одноглазое и бормотало себе под нос новую шутку, от которой, как он надеялся, у обидчиков не просто зазвенит в ушах, а начнут расти грибы на головах. Но это, к счастью, уже совсем другая история.

Глава девятая. Ковен Ягинь: франшиза «Избушка-Кроссовер», или Как навигационный клубок чуть не увёл не в ту сказку

Утро на Молочной реке наступило такое тихое и туманное, что даже комары, обычно просыпавшиеся ни свет ни заря, решили взять выходной. Туман стелился над водой плотным белым одеялом, из которого торчали только верхушки камышей, похожие на вязальные спицы. Где-то в этом тумане квакала лягушка, но не просто так, а с какой-то задумчивой, почти философской интонацией, словно она решала сложный вопрос о смысле бытия, но никак не могла прийти к окончательному выводу.

Дубыня проснулся первым, что было неудивительно, потому что он вообще спал мало и чутко, как все люди, привыкшие к одиночеству в лесу. Ему всё время казалось, что кто-то нуждается в его помощи: то ли берёза, которой, возможно, холодно, то ли муравей, который заблудился, то ли филин, который слишком громко ухает, потому что у него болит горло. Сейчас, впрочем, никто не нуждался, и Дубыня просто сидел у погасшего костра, перебирая свои травяные сборы. Он раскладывал их по маленьким мешочкам, подпи-

санным корявым, но старательным почерком: «Отъ кашля», «Для суставовъ», «Отъ бессонницы», «Просто пахнетъ хорошо». Последний мешочек он понюхал сам и удовлетворённо кивнул.

Василиса проснулась второй. Она спала, завернувшись в плащ, и первым, что она увидела, открыв глаза, была широкая спина Дубыни, склонённая над травяными мешочками. Солнце ещё не взошло, но небо уже посветлело, и в этом предутреннем свете Дубыня казался ещё больше, чем обычно, словно гора, которая решила немного посидеть у реки, прежде чем окончательно стать горой. Василиса смотрела на него и думала, что, наверное, именно так выглядит настоящий покой: когда кто-то большой и надёжный сидит рядом и сортирует травы, а ты можешь просто лежать и знать, что всё хорошо. Потом она вспомнила, что она вообще-то переодетый оруженосец, а не девица, которой положено мечтать, и резко села, отчего плащ свалился и пришлось ловить его обеими руками.

-Доброе утро, -сказал Дубыня, не оборачиваясь. -Как спалось? У вас, я заметил, подёргивалась левая бровь во сне. Это бывает от переутомления. Я могу заварить успокоительный сбор.

-Не надо сбора, -буркнула Василиса. -Я не переутомлялся. Просто сон был... беспокойный.

На самом деле сон ей приснился странный: будто бы они с Дубыней идут по бескрайнему полю, и он читает ей поэму,

но не про берёзу, а про неё, и в поэме этой она оказывается вовсе не оруженосцем Васей, а заколдованной царевной, которую нужно расколдовать, но Дубыня никак не может подобрать нужную рифму, и от этого всё заклинание не работает. Проснулась она с чувством досады и облегчения одновременно, но рассказывать об этом, разумеется, никому не собиралась.

Фома проснулся последним. Он вообще считал, что вставать рано -это удел тех, кому нечего делать вечером, а поскольку вечером у него было много дел (он мысленно пересчитывал возможную прибыль от концерта Соловья-Разбойника, от продажи охранной бересты, от будущей награды за Рог Изобилия и от ещё дюжины не вполне определённых, но многообещающих предприятий), то и просыпаться он имел полное право позже всех. Однако холодный туман, заползший под плащ, разбудил и его.

-Ну и сырость, -проворчал он, садясь и кутаясь в кафтан. -Такое ощущение, что мы ночевали не у реки, а внутри компресса. Кстати, о компрессах: у меня от вчерашнего звона в ушах до сих пор какой-то шум остался. Как будто далеко-далеко кто-то играет на свирели, но фальшивит.

-Это пройдёт, -заверил Дубыня. -Звон в ушах, вызванный магическим юмором, обычно проходит через сутки. Если не пройдёт, я сделаю примочку из ромашки. Ромашка у меня есть.

-У тебя всё есть, -заметил Фома без всякой иронии. -Ты,

Дубыня, ходячая аптека. Если бы ты ещё и деньги умел делать из ромашки, цены бы тебе не было.

-Деньги из ромашки не делаются, -серьёзно ответил Дубыня. -Я пробовал. Получается только гербарий.

Позавтракали остатками сухарей, запили молочной водой (утром она была холоднее и напоминала скорее кефир, чем сметану), свернули лагерь и двинулись дальше. Увалень, выспавшийся за троих, шёл бодрее обычного, хотя его представления о бодрости всё равно сводились к медленному переставлению ног с философским видом. Гнедой мерин Фомы, наоборот, нервничал и косил глазом на кусты, ожидал, что оттуда снова выскочит Лихо с новым анекдотом. Серая кобылка под Василисой вела себя тихо, только изредка фыркала на бабочек, которых в это утро было особенно много - белых, с чёрными крапинками, они кружились над дорогой, как ожившая метель.

Дорога между тем начала странно себя вести. Она, которая до сих пор шла прямо, пусть и с изгибами, вдруг принялась петлять, как заяц, уходящий от лисы. Сперва она сворачивала влево, потом резко вправо, потом делала петлю, потом ещё одну, а потом и вовсе раздваивалась, так что путники пришлось остановиться и решать, куда ехать.

-Это неспроста, -заметил Дубыня, оглядывая развилку. -В лесу дороги сами по себе не двоятся. Это либо магия, либо чья-то шутка.

-Если это шутка Лиха, -мрачно сказал Фома, -я лично

скармлию ему его же брошюру. Вместе с семнадцатым выпуском и приложением.

-Это не Лихо, -возразила Василиса. -Лихо оставляет запах серы, а тут пахнет... -она потянула носом воздух, -...пахнет сушёными травами, немножко дымом и ещё чем пахнет в кладовке у знахарки.

-В точку, -подтвердил Дубыня, который тоже принялся. -Травы я узнаю: зверобой, душица, немного шалфея и... и что-то ещё, очень знакомое. Кажется, мухомор. Но мухомор в таких случаях используют только для...

Он не договорил, потому что дорога под ними вдруг дрогнула. Не в переносном смысле, а в самом прямом: земля под копытами лошадей пошла волнами, как вода от брошенного камня, и кусты впереди раздвинулись, открывая проход, которого секунду назад не было. За кустами обнаружилась поляна, а на поляне то, что любой житель Мелкоземелья опознал бы с первого взгляда, даже если бы его разбудили среди ночи.

Это была избушка. Вернее, это был целый посёлок избушек, выстроившихся полукругом, как грибы вокруг старого пня. Избушки были разные: одна -классическая, на курьих ножках, с резными ставнями и трубой, из которой валил зелёный дым; вторая -поменьше, на утиных лапах, с соломен-

ной крышей и вывеской «Филиаль»; третья -совсем крошечная, на воробьиных ножках, которая подпрыгивала на месте и чирикала. Но главная избушка, стоявшая в центре, была не на курьих ножках. Она была на четырёх мощных лапах, покрытых бурой шерстью, и эти лапы не просто держали избушку, а ещё и переминались, как у коня, который застоялся в стойле. Вывеска над дверью гласила:

«Ковень Ягинь. Франшиза «Избушка-Кроссоверъ». Главный офисъ. Генеральная Яга -Клавдія Горыновна. Приёмъ круглосуточный. Безъ стука не входить -избушка кусается».

-Ничего себе, -выдохнул Фома, и глаза его загорелись особым огнём, ведь он увидел нечто грандиозное в коммерческом смысле. -Франшиза! Я слышал про Ковен, но чтобы франшиза... Это ж какая прибыль!

-Ты о чём? -спросила Василиса.

-О том, что Баба Яга -это теперь не просто бабка в ступе, а целая сеть. Как корчмы у купца Перепетуя, только вместо пива, ворожба. Понимаешь? Франшиза -это когда у тебя одна избушка работает, а все остальные платят тебе за то, что они тоже избушки. Это ж золотое дно!

-Золотое дно у нас впереди, -проворчала Василиса. -И лучше бы нам его не касаться. Я про Ковен слышала от няньки: они, конечно, помогают, но и спросить могут такое, что потом век не рассчитаешься.

-Ничего, -отмахнулся Фома, -я сам кого хочешь уговорю. У нас задача: раздобыть дорогу к Кощею. Яга -это как раз

тот, кто знает все дороги, включая те, которых ещё нет.

Он решительно направил коня к главной избушке, но не успел сделать и трёх шагов, как дверь распахнулась, и на пороге возникло существо, при виде которого даже Увалень попятился. Существо было ростом с Фому, но значительно шире в плечах, одето в аккуратный серый сарафан, подпоясанный ремешком с бляхой, на которой было выгравировано: «Ковень-Сервись». Лицо у существа было круглое, румяное и чрезвычайно деловитое, а на носу сидели очки в тонкой оправе, придававшие ему сходство с очень строгой совой.

-Здравствуйте, посетители, -сказало существо голосом, в котором не было ни капли волшебства, зато было очень много административного ресурса. -Вы по записи или в порядке живой очереди?

-Мы... -начал Фома.

-Если без записи, то ожидайте, -перебило существо. -Сейчас обеденный перерыв, но вы можете пока заполнить анкету. И не забудьте указать, к какой именно Яге вы хотите попасть: к Клавдии Горыновне, к Марфе Степановне, к Акулине Терентьевне или к практикантке Нюше.

-Мы вообще-то просто спросить дорогу, -вставила Василиса.

-Дорогу спрашивают в окошке номер три, -ответило существо, и на его лице не дрогнул ни один мускул. -Окошко номер три -это вон та избушка на утиных лапах. Но там се-

годня выходной по техническим причинам: утка линяет. Так что либо заполняйте анкету на приём к Клавдии Горыновне, либо ждите завтра.

Фома, который терпеть не мог бюрократии, но зато прекрасно знал, как с ней бороться, извлёк из футляра посольскую грамоту и потряс ею перед носом существа.

-Мы -посольская миссия Мелкоземелья, -сказал он тем самым голосом, которым когда-то продавал мазь от лысины. -Идём по государственному делу чрезвычайной важности. А государственные дела, как вам, вероятно, известно, имеют приоритет перед обеденными перерывами.

Существо взяло грамоту, внимательно изучило печать, потом перевернуло грамоту, изучило обратную сторону (где Илья Муромец, сам того не желая, оставил отпечаток пальца в капустном соке) и кивнуло.

-Государственное дело -это серьёзно, -признало оно. -Подождите здесь, я доложу Клавдии Горыновне. Только вы, это, ноги вытрите. У нас ковры новые.

Оно скрылось за дверью, а Василиса наклонилась к Фоме и прошептала:

-Что это за существо? Это что, тоже Яга?

-Нет, -ответил Дубыня, который всё это время молча разглядывал избушку-кроссовер с явным профессиональным интересом. -Это кикимора. Но не простая, а офисная. Я читал про таких: их приглашают на работу за стабильное жалование и соцпакет. У неё, вон, даже ремешок с бляхой. Это

корпоративный стиль.

Из-за двери послышался шум, напоминающий звук передвигаемой мебели, потом чей-то властный голос произнёс: «Пусть заходят, только пусть не дышат на папоротник, он у меня капризный», и офисная кикимора снова появилась на пороге.

-Клавдия Горыновна примут вас сейчас, -сказала она. - Проходите. И помните: руками ничего не трогать, вопросы задавать чётко, на метлу не садиться без спросу, она у нас с характером.

Внутренность главной избушки поражала воображение. Если бы Фома когда-нибудь видел современный офис, он бы сказал, что это офис. Но он не видел, поэтому просто стоял с открытым ртом. Посередине стоял большой дубовый стол, заваленный свитками, кристаллами, колбами с разноцветными жидкостями и одним очень большим бухгалтерским счётами, на костяшках которых были вырезаны руны. Вдоль стен тянулись полки с книгами, горшочками, пучками трав и какими-то банками, в которых плавало нечто, похожее на маринованные огурцы, но издававшее при этом слабое свечение. В углу, на специальном насесте, дремала длинная, берёзовая метла, с привязанным к черенку навигационным кристаллом. А за столом, в кресле, которое было одновременно и тронem, и креслом-качалкой, сидела Клавдия Горыновна собственной персоной.

Она оказалась вовсе не такой, какой Василиса представля-

ла себе Бабу Ягу по нянькиным сказкам. Никакого костяного носа, никаких бородавок, никакого крючковатого подбородка. Клавдия Горыновна была женщиной лет шестидесяти на вид, с гладко зачёсанными седыми волосами, убранными в строгий пучок, и с лицом, которое выражало одновременно глубокую мудрость и лёгкое нетерпение. Одета она была в тёмно-синий сарафан, расшитый серебряными звёздами, и в очки, которые сидели на кончике носа и всё время грозили свалиться, но держались каким-то чудом.

-Здравствуйте, -сказала она низким, хорошо поставленным голосом. -Садитесь. Чаю не предлагаю, потому что чай у меня сегодня с сюрпризом, а сюрприз ещё не готов. Вы по делу или так, поболтать?

-По делу, -ответил Фома, усаживаясь на предложенную лавку. -Мы, уважаемая Клавдия Горыновна, держим путь к Кощею Бессмертному. Нам нужна дорога. А про вас говорят, что вы знаете все дороги, какие есть, какие были и какие ещё только собираются появиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.